ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ,

I

ФИЛАМОРА КЪ РОЗАВРѢ.

Гага 20 Маїя.

Наконецъ, любезная прїятельница, я могу увѣдомить васъ о Филаморѣ, почитаемой вами погибшею; ибо я готова объ закладъ удариться, что вы почитали уже ту за пропадшую, которая послѣдовала за своимъ любовникомъ. Но представьте себѣ самое произшествїе, когда я васъ о томъ смѣю просить со всемъ въ иномъ видѣ.

Хризалитъ въ самомъ дѣлѣ не имѣлъ хорошихъ намѣренїй въ разсужденїи Филантропа. Дружество его къ нему было одно только притворство; онъ дѣлалъ изъ лицемѣрства все то, что только изъ любви къ Агатѣ предпринимающимъ себя показывалъ, дабы чрезъ то способнѣе насъ обмануть всѣхъ, и чтобъ свои злобныя намѣренїя противъ Филантропа тѣмъ легче произвести въ дѣйствїе. Въ такихъ безпокойныхъ обстоятельствахъ, когда жизнь моего супруга и честь моего брата можетъ быть еще были подвержены опасности; ког-

да вмѣстѣ должность и нѣжность призывали меня къ избавленїю тѣхъ, которыхъ я еще надѣялась уговорить; и когда Филантропъ далъ мнѣ знать, что онъ безъ моей помощи лишится всего; и для того рѣшился погубить жизнь для спасенїя моего брата — то могла ли я сомнѣваться, дабы не медля ни минуты не рѣшиться на то, чего требовали отъ меня честь и законъ, человѣчество и любовь; чего собственное мое сердце еще сильнѣе желало.

Вамъ извѣстно, сколько я владѣла своимъ братомъ. И такъ я надѣялась или совсѣмъ уничтожить его намѣренїе, или уговоря его привести опять въ чувство. Но не льзя было угадать хотя нѣчто изъ его намѣренїй при толь темныхъ лучахъ и толь маломъ свѣтѣ, которой я получила изъ Филантропова письма; и когда бы я о томъ сказала своимъ родителямъ, то вѣрно бы мое путешествїе остановилось, и можетъ быть несчастливой случай взялъ бы свой оборотъ, которой сдѣлалъ бы всѣ теперешнїя средства безполезными.

И такъ теперь слушайте продолженїе моего путешествїя и того щастїя, которое я получила, достигши своего намѣренїя.

Вы знаете, что Хризалитъ взиралъ на мое соединенїе съ Филантропомъ, такъ какъ на дѣло, наносящее безчестїе нашему дому; и хотя онъ никогда не говаривалъ со мною обстоятельно о семъ дѣлѣ; потому что онъ легко могъ догадаться, что я лучше соглашусь слѣдовать своему родителю и сердечнымъ чувствованїямъ, нежели его совѣтамъ. Однако я всегда примѣчала въ его поступкахъ видимое недоброхотство ко мнѣ и принужденїе въ обхожденїи съ моимъ родителемъ, которое его, какъ скоро говорили о Филантропѣ, дѣлало нѣмымъ. Филантропъ не нравился ему можетъ быть по той причинѣ, по какой обыкновенно добрыя люди не нравятся злымъ; онъ ненавидѣлъ Филантропа за его хорошїя качества, которыми его развращенныя обнажились въ толь омерзительномъ видѣ. При томъ онъ не имѣлъ, какъ вы знаете, со времени отъѣзду Филантропа лучшихъ мыслей, или его прозьбы, дабы сдѣлать сестру свою несчастливою; оставленныя безъ успѣха, или неблаговоленїе къ нему родителя по причинѣ сего недостойнаго поступка, или укоризны, имъ самому себѣ дѣланныя, или можетъ быть его неудовольствїе, и Богъ знаетъ, какїя сверьхъ того причины побудили его такимъ образомъ разлу-

чить меня съ любовникомъ, которые лишили было меня возможности когда либо его опять увидѣть; есть-либы я неотважилась учинить шагъ, которой можетъ быть покажется вамъ неизвинительнымъ.

Однакожъ я васъ увѣряю, что все сдѣлано съ величайшею тишиною; и что никто о томъ не зналъ, кромѣ тѣхъ, которые прилагали стараніе о семъ дѣлѣ.

Я нахожу себя теперь, любезная Розавра, гораздо свободнѣе прежняго слѣдовать въ какомъ бы то ни было случаѣ вашему совѣту, прежде нежели увѣдомлю я васъ обстоятельнѣе о томъ, какъ я сюда пріѣхала безъ всякой опасности; желала бы знать, какое безпокойство мое удаленіе причинило въ домѣ, и все ли еще находится въ хорошемъ состояніи.

II.

ФИЛАМОРА КЪ РОЗАВРѢ,

21 Маія.

Когда мой братъ велѣлъ въ своей новой деревнѣ, купленной не пода-

леку отъ Аквилеи разпорядить все нужное для принятія Агаты, то безъ сомнѣнія онъ уже помышлялъ пагубныя намѣренія, клонящіяся къ несчастію Филантропа. Сей удобный случай туда его заманить, и подъ видомъ разпоряженія для его сестры нѣсколько времени задержать, употребилъ онъ единственно для того, чтобъ имѣть безчеловѣчное удовольствіе, сдѣлать нашу разлуку послѣ взаимныхъ обѣщаній тѣмъ болѣзненнѣе. Лишь только онъ его туда заманилъ, то обезоруживши его и приведши не въ состояніе себѣ помочь, чрезъ нѣсколькихъ избранныхъ слугъ предложилъ ему условіе, чтобъ или удалиться на всю жизнь въ монастырь и тамъ отказаться торжественною клятвою соединенія со мною, или быть отправлену на Голландскомъ кораблѣ въ новую Голландію. Выборъ изъ сихъ двухъ предложеній должно было сдѣлать на мѣстѣ, и сіи договоры не можно было человѣку, находящемуся во власти своего злодѣя уничтожить, или покрайней мѣрѣ уменьшить.

Филантропъ немедленно рѣшился на послѣднее, которое ему, сколь ни злополучна тогда была его участь, казалось гораздо пріятнѣе перваго. Но представьте себѣ, сударыня, состо-

янїе такого человѣка, которой имѣлъ вѣрнѣйшую надѣжду сдѣлаться совершенно счастливымъ, которой ожидалъ самаго любезнаго и прїятнѣйшаго удовольствїя, и котораго подъ видомъ дружества, лишая всей надѣжды, разлучаютъ со всемъ тѣмъ, чего ему только на свѣтѣ желать казалось быть достойнымъ; и скажите вы, не простительно ли въ такомъ случаѣ желать опять увидѣть предмѣтъ своей вѣрнѣйшей нѣжности?

Онъ имѣлъ еще, не знаю какъ это, столько времени ко мнѣ написать, что онъ навсегда будетъ отъ меня удаленъ, и что никто, кромѣ меня, не въ состоянїи спасти моего брата; по сему письмецу, которое можно было толковать и на двѣ стороны, легко я догадалась, что мой братъ находился въ той же самой опасности, которая и ему самому предстояла; вы знаете, какїя дѣйствїя были моей любви и решенїя. Я не тратила времени въ размышленїяхъ; я нашла въ горницѣ довольную сумму денегъ и вѣрющихъ писемъ, чтобъ быть въ состоянїи отправиться въ дорогу. Я ѣхала день и ночь съ тѣмъ же самымъ курьеромъ, которому была обязана чрезъ нѣкоторое хотя весьма темное о томъ извѣстїе, что съ мо-

имъ любовникомъ произходило. Онъ неоткрылъ всей тайны, отчасти опасаясь моего брата, у котораго онъ былъ слугою, отчастиже думая, что открывши обстоятельно моему любовнику опасность, еще болѣе меня опечалитъ.

Я препроводила пять дней и четыре ночи безъ сна, пока не догнала своего свирѣпаго брата, который уже сюда прибылъ, и готовъ былъ спустя день, моего любовника отправить на корабль; ибо онъ по видимому догадывался, что отъ моего родителя послана была за нимъ погоня.

И такъ ето была наималѣйшая трудность, а самая важнѣйшая состояла въ томъ, какъ бы избавить Филантропа изъ братниныхъ рукъ. Я не знала къ тому никакого другаго средства, какъ только отправиться на тотъ же самой корабль, на которомъ долженствовалъ находиться Филантропъ. Хитрость моя была не безъ успѣха. Я тамъ дождалась моего любовника, и пока кормщикъ не отвалилъ корабля, велѣла я его подъ видомъ смертельной болѣзни, перенесть опять на твердую землю, и сама сошла. Мы оставили, будучи

въ бѣдѣ, свой экипажъ и платье, чтобъ чрезъ корыстолюбіе корабельнаго начальника избѣжать величайшей опасности, и отправились немедленно сюда, гдѣ мы къ счастію узнали, что Хризалитъ поѣхалъ уже назадъ.

III.

РОЗАВРА КЪ ФИЛАМОРѢ.

Венеція 15 Маія.

Гдѣ бы вы сударыня ни получили мое письмо, то примите оное за неложный знакъ моей къ вамъ любви и удивленія. Я увѣдомлю васъ о такихъ вещахъ, которыя покажутся для васъ очень чудны; но вы удивитесь гораздо болѣе сему, нежели сколько я удивлялась вашему великодушному и догадливому предпріятію. Вы спасли жизнь болѣе одного человѣка. Ваша Розавра не перенесла бы той скорби, чтобъ видѣть себя разлученную съ братомъ, который еще соединенъ съ вами неразрушимыми брачными узами, и котораго потеря тѣмъ для меня была бы дороже; ибо знайте вы, что Филантропъ есть мой братъ отъ втораго брака. У насъ былъ одинъ отецъ. Я родилась во Франціи шестью годами прежде его;

мать моя умерла въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ. Несчастливый мой отецъ лишился чрезъ то всего имѣнія, принадлежавшаго моей матери; онъ увидѣлъ себя наконецъ принужденнымъ, записаться въ службу, и во время того несчастливаго сраженія, которое влекло за собою его смерть, Филантропъ произошелъ на свѣтъ. Онъ былъ плодомъ тайнаго брака, въ который вступилъ мой отецъ съ неизвѣстною Тирольскою фамиліею, живущею при подошвѣ Алпійскихъ горъ; и отъ сего-то брака произошли Агата съ Филантропомъ, какъ близнецы. Не могши болѣе мой отецъ продолжать службу, опять туда пріѣхалъ и ево опасаясь, чтобъ не лишили чести, умеръ съ печали и отчаянія на томъ мѣстѣ, на которомъ родился Филантропъ. Недавно прибыла сюда несчастная его мать, та, которая его воспитала, и которой онъ ввѣренъ былъ послѣ смерти родившей его особы. Сія благодѣтельница познакомила его во время проѣзда съ Хризалитомъ, и по его-то повелѣнію она сюда пріѣхала со всѣми извѣстіями о фамиліи моего отца, которыя она у себя хранила; и вы легко повѣрите, что Хризофилъ весьма обрадованъ былъ симъ пріятнымъ извѣстіемъ, и что

я не медля ни минуты, увѣдомила васъ о нашемъ благополучїи.

IV.

РОЗАВРА КЪ ФИЛАМОРѢ.

22 Маїя.

Хризалитъ сюда прибылъ. Онъ изумился, нашедъ насъ обо всемъ увѣдомленными, и узнавъ, что вы уже ни мало не медля уѣхали. Онъ хотѣлъ опять отправиться, но мы его увѣрили, что всѣ его старанїя будутъ тщетны, и что вы уже нашли средства къ уничтоженїю всѣхъ его намѣренїй. Мы также дали ему знать, что вы уже сочетались съ Филантропомъ законнымъ бракомъ. Онъ не могъ понять, какъ все это могло произойти, но не менѣе, удивился когда узналъ, что Филантропъ былъ обязанъ своимъ произхожденїемъ одному изъ древнѣйшихъ во Францїи домовъ, и что его сестра была принята въ знатнѣйшїй монастырь; радость его кажется была столь же чрезвычайна, какъ и прежде его печаль.

И такъ возвращайтесь безъ всякаго опасенїя съ своимъ дражайшимъ и воз-

люблѣннымъ супругомъ. Возвратите моего брата опять въ наши объятїя, котораго вы сдѣлавши счастливымъ, осчастливили вмѣстѣ всю фамилїю, и коего вы можетъ быть спасли жизнь, и позвольте тогда обнять себя, какъ общую нашу благотворительницу.

Коликая радость! быть спасительницею и избавительницею своего любовника, подвергая себя опасности! какое чрезвычайное восхищенїе! быть виновницею его первѣйшаго и единственнаго счастїя! Любезная Филамора! я плаваю въ морѣ удовольствїя; возможноли, что я до сихъ поръ не узнала своего брата, и столь не справедливо о немъ думала! я обнимаю васъ обѣихъ тысяче кратно, и мой духъ единственно къ вамъ стремится; до тѣхъ поръ, пока вы къ намъ не будете, остаюсь на всегда вашею Розавра.

V.

ФИЛАМОРА КЪ РОЗАВРѢ.

25 маїя.

Какими словами опишу я вамъ столь трогающее изъявленїе нѣжности,

которое каждаго изъ насъ возвысило на такую степень радости и удовольствія, что мы какъ чувствія дружества и любви, такъ чувствованія родительскія и дѣтскія равно въ себѣ ощущаемъ; при чемъ унасъ ничего больше не недостаетъ, какъ вашего присутствія. Мнѣ мажется, что удовольствіе, нашедши брата въ моемъ дражайшемъ любовникѣ, должно быть для васъ превосходнѣе, нежели то, чтобъ находясь въ монастырѣ претерпѣвать столь сильную скуку, и мучиться желаніемъ его увидѣть. Пріѣзжайтежъ къ намъ, какъ скоро позволитъ вамъ строгая сестра, ваша не упросимая игуменья.

Вамъ не безъизвѣстно, что мой родитель началъ опять засѣдать въ великомъ совѣтѣ, и два дни тому назадъ сдѣлалъ онъ два приговора весьма достойные примѣчанія, которые заставляютъ его стольkоже любить, сколько его правосудіе и безпристрастіе приводятъ другихъ въ удивленіе. Во время правленія еще прежняго Дожа жаловался на Хризалита его сосѣдъ, въ отнятіи унего не большаго угла земли, назначенной имъ для строенія по плану, которое придало бы красу его белведеру. Онъ осу-

дилъ своего сына, и проситель былъ оставленъ въ прежнемъ своемъ владѣнїи; а сверьхъ того столь щедро онъ его наградилъ, что мы видѣли сего дня весьма трогающее явленїе, какое только можете вы себѣ представить.

Сего дня по утру пришелъ къ намъ Геронтъ съ дѣтьми; радость и благодарность были живо начертаны на ихъ лицахъ. Въ самомъ дѣлѣ дѣти его были столь прекрасны, что никакой славной живописецъ изобразить ихъ точно не можетъ. Они осыпали моего родителя благословенїями, а меня съ Филантропомъ ласками и желанїями намъ благополучїя. Хризофилъ, сказалъ Геронтъ, есть истинный примѣръ правосудїя; почитайте его мои дѣти, ибо онъ оказалъ вамъ большее благодѣянїе, нежели отецъ. Благополучно государство, охраняемое таковыми законодателями и управляемое столь добродѣтельными государями. Наши сердца сїе чувствовали, любезная Розавра, и мы отъ удивленїя говорить не могли.

Вторый приговоръ касается до несчастной Агаты, которая жаловалась на моего брата отъ опекуновъ ея дѣ-

тей. Хризалитъ обязанъ былъ чрезъ то опять ее принять, и воспитывать дѣтей, съ нею прижитыхъ, прилично ихъ состоянію. Мнѣ кажется, что нѣкоторая перемѣна, которая можетъ быть никогда бы не воспрепятствовала его счастію, воспослѣдовавшая отъ болѣзни, полученной имъ по возвращеніи своемъ изъ Голландіи, такъ перемѣнила его свойство, что его теперь все то приводитъ въ сожалѣніе, на что онъ въ прочемъ взиралъ безъ всякаго чувствованія, или съ хладнокровіемъ мимо проходилъ.

Онъ взираетъ на себя, какъ на такого человѣка, которой изключенъ изъ всеобщаго чувствія нашей радости; и кажется, что онъ во первыхъ будетъ стараться, дабы примириться съ любви достойною Агатою. Онъ оставилъ всѣ прежнія сообщества, и не думаетъ больше о всѣхъ тѣхъ расточеніяхъ и роскошахъ, въ которыя онъ прежде безъ мѣры и разсужденія вдавался; онъ теперь погруженъ въ безпрестанную печаль, которая тѣмъ нелицемѣрнѣе, что она произходитъ отъ жестокой болѣзни, дѣлающей его неспособнымъ роскошествовать по прежнему.

Агата раздѣляетъ съ нами всѣ сладчайшія желанія сердецъ нашихъ

и всѣ ожиданія, произходящія отъ пріятнѣйшей надежды. Она сказывала, что она давно уже предчувствовала, что ей назначено еще въ сей жизни наслаждаться самымъ великимъ ей возможнымъ благополучіемъ, и что всѣ ея желанія исполнились больше, нежели она хотѣла, находясь съ нами и съ вами въ родствѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, любезная Розавра, у насъ ничего болѣе не недостаетъ, какъ только того, чтобъ видѣть васъ при себѣ всегдашнею свидѣтельницею и участницею въ нашемъ благополучіи; и когда вы обѣщались уже посвятить себя уединенію, то не ужели ваши пріятельницы меньше заслуживаютъ вниманія, нежели пріятная тишина благочестія; возможноли, чтобъ вы насъ теперь оставили, теперь, когда мы находимся на высочайшей степени человѣческихъ желаній.

VI.

ХРИЗОФИЛЪ КЪ ХРИЗАЛИТУ.

Съ того времени, какъ я разстался съ тобою и твоею любезною су-

пругою, не престаю воспоминать о тебѣ, и ничего столь сильно не желаю, какъ скораго твоего изъ путешествїя возвращенїя, которое вознаградитъ твое отсутствїе въ здѣшнемъ городѣ.

Я знаю, что ты предпринялъ сїе путешествїе, послѣдуя похвальному намѣренїю Философа, удаляющагося отъ свѣтскихъ суетъ съ тѣмъ, чтобъ упражняясь въ Философїи, научающей насъ, по правиламъ Марка Аврелїя, провождать жизнь въ отправленїи должностей и въ изученїи наукъ, лучше научиться оную знать и свободнѣе подражать примѣру Философа, и я тогда съ тобою во всемъ былъ согласенъ, когда мы разставались. Но я думаю, что мы изъ разсматриванїя тѣхъ писателей, которые описывая намъ Философскую древнюю исторїю, намъ представили въ ней многїе примѣры великихъ и весьма похвалы достойныхъ мужей, не малой пользы ожидать можемъ въ исправленїи нашихъ нравовъ, наипаче когда мы тщательно стараемся имъ уподобиться.

Я не могу не сдѣлать себѣ удовольствїя, чтобъ не изобразить тебѣ

превосходнаго свойства одного благороднѣйшаго и добродѣтельнѣйшаго Римскаго государя, по описанію, сдѣланному о немъ его усыновленнымъ преемникомъ, Маркомъ Авреліемъ, котораго сочиненія столь же пріятно мнѣ теперь читать, какъ и свойство того государя имъ описанное разсматривать; а особливо, когда разсуждаю, что сіе описаніе застанетъ тебя упражняющагося въ сочиненіяхъ, въ такое время, когда только люди время такъ провождающіе, находятъ вкусъ въ сихъ великихъ предмѣтахъ.

Качества, говоритъ Маркъ Аврелій въ первой книгѣ своихъ сочиненій, которымъ я всегда удивляясь въ усыновившемъ меня родителѣ, твердо вознамѣрился подражать, суть слѣдующія: кротость, непоколебимое постоянство во всѣхъ предпріемлемыхъ намѣреніяхъ, основанныхъ на правилахъ здраваго разсудка, отвращеніе отъ всякой пустой славы и неуваженіе всего, что вообще почитаютъ подъ видомъ честолюбія и превосходства, любовь къ трудамъ и не утомимое прилѣжаніе въ продолженіи оныхъ, снисходительность въ выслушиваніи всякаго, кто бы могъ дать ему полезной совѣтъ, неупросимое и всегда

безпристрастное правосудїе, способность различать дѣла, при которыхъ употреблено быть должно снисхожденїе, и которыя требуютъ особливой строгости. Онъ былъ въ превосходной степени обходителенъ, но при всемъ томъ очень остороженъ, чтобъ друзьямъ своимъ не сдѣлать принужденїя; онъ никогда ихъ не принуждалъ, чтобъ они были за его столомъ, или ѣхали съ нимъ въ деревню; и когда они по какой нибудь причинѣ предъ нимъ извинялись, то оная была уважаема, въ чемъ бы она ни состояла; предъ него опять представая, не находили ни малой въ немъ къ себѣ перемѣны; онъ былъ въ дружбѣ вѣренъ и постоянен, и сколь мало попускалъ обладать собою скорому и великому гнѣву, обращающемуся обыкновенно въ страсть; стольже мало долженствовалъ опасаться его ненависти, или упрямства тотъ, кто сдѣлался однажды его другомъ. При рѣшенїи разсматривалъ дѣла подробно; онъ не былъ доволенъ первымъ вглядомъ, изслѣдывая свои начинаемыя дѣла, представлялъ онъ ихъ себѣ со всѣхъ сторонъ. Когда онъ безъ принужденїя могъ быть всемъ доволенъ и всегда былъ спокоенъ; то веселость его духа ничѣмъ небыла прерываема, онъ въ состоянїи былъ предусматривать будущее

посредствомъ своего остроумія, которымъ онъ безпрепятственно всегда могъ пользоваться. Онъ дѣлалъ вездѣ нужныя разспоряженія, и заботился о малѣйшихъ обстоятельствахъ, касавшихся до дѣлъ, не причиняя никакого шума, ни мятежа, и не придавая большей важности вещамъ. Никогда Римскіе доходы столь бережливо не были сохраняемы, какъ во время его правленія; и онъ терпѣливо сносилъ глупыя осужденія прилагавшихъ стараніе, сдѣлать смѣшнымъ его поступокъ въ разсужденіи бережливости. Ласкательство не могло овладѣть его душею, и онъ тщательно прекращалъ похвалы, неблагопристойностямъ приписываемыя. Въ его богослуженіи не было ничего суевѣрнаго, и его поступки въ разсужденіи всѣхъ людей не заключали въ себѣ никакихъ худыхъ движеній; онъ столь же мало старался о пріобрѣтеніи любви подданныхъ чрезъ милостивое снисхожденіе, когда только оно могло нарушить общее благосостояніе. Всѣ его поступки были сопровождаемы всегдашнею мудростію, которая никогда не преступала мѣры, и всегда простиралась по извѣстной чертѣ, и не плѣнялась никогда прелестями новизны.

Его дружескіе совѣты произтекали единственно изъ чистѣйшей добро-

дѣтели, и онъ не прибавлялъ въ рѣчахъ ничего, для того, что выражалъ свои мысли въ сходственность природѣ. Во всемъ его окружавшемъ, не являлось ни какой пышности, и его примѣръ служитъ доказательствомъ, что государь, для возбужденія къ себѣ въ другихъ высокопочитанія, не имѣетъ нужды, ни въ множествѣ стражей, ни въ великолѣпныхъ одѣяніяхъ, ни въ огромныхъ чертогахъ; и что онъ чѣмъ сходственнѣе живетъ съ состояніемъ простаго человѣка, тѣмъ величественнѣе и славнѣе оказываетъ себя при отправленіи государственныхъ дѣлъ. Антонинъ одаренъ былъ весьма исправленнымъ и изощреннымъ науками разумомъ, хотя не столь совершеннымъ, какой должно имѣть государю. Нельзя было о немъ сказать, что онъ былъ ученой человѣкъ, витія, мудрецъ, но лучше назвать разумной мужъ, которой чрезъ упражненія въ свободныхъ наукахъ сдѣлался совершеннымъ, и чрезъ полезныя размышленія былъ въ состояніи владычествовать надъ самимъ собою и надъ другими. Онъ не желалъ превосходить другихъ въ наукахъ, которыя до него не касались, онъ почиталъ за подлость завидовать тѣмъ, которые въ таковыхъ упражнялисъ наукахъ и онымъ обучилисъ, и не толь-

ко отдавалъ имъ въ томъ преимущество, но и поощрялъ ихъ къ большему прилѣжанію, когда они въ своемъ родѣ достигали совершенства. Онъ прямо почиталъ истинныхъ философовъ, но не порочилъ и тѣхъ, которые во зло употребляли сіе названіе, дабы чрезъ то скрыть только свои пороки. Онъ весьма старался о сохраненіи своего здоровья, и не былъ въ сохраненіи онаго съ лишкомъ нѣженъ и съ лишкомъ нерадивъ; а чрезъ то онъ себя такъ сберегалъ, что весьма рѣдко въ помощь употреблялъ врачей, вмѣсто которыхъ онъ самъ болѣе о себѣ старался. Его основательный разсудокъ дѣлалъ его постояннымъ и не перемѣняющимся не только въ мыслахъ, но и въ внѣшнихъ поступкахъ; у него упражненія и распоряженія были всегда одинаковы, и естьли онъ когда либо похвалялъ пріятность какого нибудь мѣста, или страны, то и вкусъ его не былъ въ томъ перемѣняемъ. Дни его жизни были всегда одинаковы; онъ былъ чистосердеченъ и благодаренъ въ совершенной степени, и не старался содержать въ тайности тѣ дѣла, которыя того не заслуживали. Онъ тѣ только скрывалъ дѣла, которыя таить имѣлъ онъ основательныя причины, особливо когда они относились до государственныхъ

дѣлъ. Чтобъ быть прямо великимъ; то не вдавался онъ никогда въ роскошъ и пользовался, когда случится, пріятностями жизни сходно съ природою, и то однажды; когдажь по какому нибудь случаю чего либо притомъ не доставало, то умѣлъ онъ безъ нихъ обойтись. Онъ дѣлалъ увеселенія и зрѣлища, раздавалъ подарки; однако все производилъ съ надлежащею умѣренностію, и такимъ образомъ поступая, старался онъ только освободиться отъ того долгу, чего требовало отъ него общее употребленіе, а не изъ пышности и не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ чрезъ то снискать у народа благосклонность.

Онъ соорудилъ разныя публичныя зданія, не изъ особливой охоты къ строенію, но для общей пользы или по необходимости. Во всемъ, что касается до содержанія въ чистотѣ тѣла, не старался онъ отъ другихъ отличаться, для того не употреблялъ онъ бани въ необыкновенное время; не заботился о изобрѣтеніи для стола новыхъ кушаньевъ, и стольже мало любилъ хорошія и дорогія матеріи для своего платья, какъ и великое множество пышно одѣтыхъ невольниковъ; то, что сходственнѣе всего съ природою, казалось для него всего лучше. Онъ былъ ни строгъ, ни

дерзокъ, ни корыстолюбивъ, наблюдалъ во всемъ умѣренность; чрезъ сїе самое время заслужилъ, что ему можно и должно приписать ту же самую Сократову славу, о которомъ сказываютъ: то есть, что онъ одинъ былъ въ состоянїи воздержаться отъ всего того и употреблять съ пользою то, чего простой народъ отвратить отъ себя не въ состоянїи, или не имѣетъ столько силъ благоразумїя, чтобъ употребить то съ пользою.

Такъ описалъ Маркъ Аврелїй свойство превосходнаго мужа, всѣмъ временамъ служащаго примѣромъ; я самъ чувствую по прошествїи столь многихъ вѣковъ величайшее къ сему Государю, почтенїе и уваженїе которой можетъ служить самымъ лучшимъ примѣромъ для Монарховъ; и котораго добродѣтелямъ естьли бы кто захотѣлъ подражать, то учинилъ бы благополучїе человѣческаго рода вѣчнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, любезной сынъ, ничто такъ не можетъ насъ ободрить къ прилѣжному старанїю о истинномъ благополучїи, какъ слава такихъ мужей, которые достигши оной въ высочайшей степени, заставили себѣ удивляться всѣ потомственныя времена. Какое величество

человѣческой души! сколь любви достойны ея свойства! Какое обнаруживанїе сверьхъ-естественнаго совершенства, и какое благополучїе должно быть соединено съ сими добродѣтелями! Надѣюсь, что ты то же самое ощущаешь удовольствїе, которое приводитъ душу мою въ восхищенїе, взирая на такого великаго мужа, прославившагося въ древности, изображеннаго художественною рукою; и для меня все равно, хотя бы видъ его лица изображенъ былъ на золотѣ, или вырезанъ на мраморѣ, или высѣченъ изъ камня, или незагладимыми чертами начертанъ на бумагѣ.

Ничто не можетъ быть достойнѣе нашего вниманiя какъ сїе; потому что въ ономъ заключаются самыя высокїя понятїя, какїя только мы себѣ вообразить можемъ. И по тому должны мы всегда отдавать почтенїе оставшимся сочиненїямъ Плутарха, Ливїя, Свѣтонїя, Саллюстїя, Фенелона, Фуллера, Баумгиртена, Шрека, Шириха и Шмида. Надѣюсь, что всѣ сїи драгоцѣнные остатки будутъ занимать мѣсто въ твоей библїотекѣ, которая прежде сего была наполнена ужаснымъ множествомъ Персидскихъ романовъ; и что въ сихъ сочиненїяхъ мудрыхъ мужей здравое разсужденїе

и чистая любовь къ добродѣтели скоро найдутъ весьма вѣрнѣйшія наставленія къ исправленію и увеселенію души.

VII

ХРИЗОФИЛЪ КЪ НѢКОТОРЫМЪ СВОИМЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Желалъ бы я, чтобъ всѣ вы, любезные друзья, радостное блаженство моего дома, собраніе истинно-счастливыхъ людей, могли видѣть такими, какими ихъ чувствованія, отъ участія въ семъ благополучіи произходящія, представляютъ предъ моими глазами, и какую радость вливаютъ въ мое сердце. Мой сынъ, переставши вдаваться въ безпорядки, находитъ удовольствіе въ добродѣтели, слѣдуя совѣтамъ несчастливой, но любви достойной супруги; моя дочь своего любовника съ геройскимъ мужествомъ и съ собственною своею опасностію; Филантропъ, почитающій меня какъ своего отца; Агапа съ своими любви достойными дѣтьми, напоминающими мнѣ съ новою горячностію о всѣхъ прошедшихъ дѣйствіяхъ моей юности; Розавра живучи съ нами, кажется человѣкомъ, посланнымъ съ

выше къ намъ въ домъ; всѣ онѣ составляютъ неразрывную цѣпь радости и веселія, которая чрезъ общее согласіе души и чрезъ сіяніе добродѣтели еще крѣпче соединена, нежели чрезъ узы Природы. Сколь пріятно видѣть предъ собою столь любезное собраніе да и въ то самое время, когда оно нѣжнымъ своимъ соединеніемъ заслуживаетъ еще большую любовь, когда оно достигаетъ уже высочайшей степени человѣческаго блаженства! И всемъ этимъ не быть тронуту, удалиться отъ общей радости и нечувствовать удовольствія, отъ добродѣтели происходящаго? Нѣтъ, любезные друзья, это свойственно только порочной душѣ! Всякая добродѣтели исполненная душа должна быть симъ тронута; каждое человѣколюбивое сердце должно сдѣлаться добродѣтельнѣе, и всякой благородной духъ долженъ возвыситься и сдѣлаться счастливымъ.

Поистиннѣ ничто не можетъ быть для насъ нравоучительнѣе, какъ воззрѣніе на достойныхъ мужей, сдѣлавшихся благополучными чрезъ свои заслуги и получившихъ награжденіе за честность и добродѣтель. Но таковыхъ образцовъ не льзя себѣ ниже вообразить, ниже въ самомъ дѣлѣ видѣть; и по тому должность

есть для человѣка: „ всякаго возраста оставлять по себѣ потомкамъ столько хорошихъ примѣровъ, сколько ему въ жизни возможно было. Самыя превосходныя, или такія свойства, которыя прославились чрезъ особливыя дарованія и чрезъ сверьхъ-естественныя произшествія въ свѣтѣ сдѣлались примѣчанія достойными, суть тѣ, которыя по большей части служатъ къ познанію умозрительной науки о человѣческой Природѣ и Философіи, преподающей правила простой жизни. Самые лучшіе люди, живущіе по большей части въ отдаленности отъ мірскихъ суетъ, суть истинные примѣры для потомковъ; дабы возбудить и въ насъ охоту къ подобнымъ дѣламъ, изъ ихъ жизни должно стараться узнать: какъ они тѣмъ, чемъ были, сдѣлались, какія тогда были обстоятельства, при какой внутренней и внѣшней связи, чрезъ какія сокровенныя причины, при какихъ препятствіяхъ и способствовавшихъ къ тому средствахъ они таковыми сдѣлались. Чрезъ такое разсматриваніе легко мы можемъ не только усмотрѣть въ себѣ истинныя черты нашего образа, но научиться также и тому, что есть главнымъ средствомъ, ведущимъ насъ къ тому, какъ мы должны начать оное славное предпрія-

тїе, чтобЪ быть такими, какими они сдѣлались. Это точно справедливо, что описанїя жизни великихЪ мужей, которыхЪ мы никогда не можемЪ довольно представить для распространенїя познанїя о человѣкѣ изЪ приключенїй ихЪ жизни, приведутЪ познанїе самаго себя, науку вести жизнь, и по степенямЪ возрастающее исправленїе мыслей и нравовЪ нашихЪ вЪ большее совершенство, нежели всѣ выдуманныя басни, которыя когда нибудь произошли изЪ пустой мечты писателей романовЪ,,.

Признаюсь вамЪ сЪ удовольствїемЪ, что сїи наполненныя столь хорошими примѣрами описанїя, заслуживающїя наше кЪ нимЪ уваженїе, исполнивши меня сперьва удивленїемЪ, потомЪ любовїю и желанїемЪ уподобиться мужамЪ, вЪ нихЪ упоминаемымЪ, возвратили меня сЪ ложнаго пути заблужденїй, на которомЪ я тщетно старался найти счастїе и спокойствїе, проводя столь долгую, скучную и напослѣдокЪ раскаянїю подверженную жизнь, на настоящую стезю истиннаго счастїя. И какЪ бы могЪ я лучше оказать благодарность научившимЪ меня, что истинное счастїе состоитЪ не вЪ богатствѣ и

во всѣхъ родахъ удовольствій, какія только оно можетъ доставить, но въ прилѣжномъ стараніи быть добродѣтельнымъ, и въ исполненіи правилъ честности, дружества, благотворительности, любви и благоразумія; когда я всѣ дары, которые мнѣ даровало истинное счастіе въ первой только разъ возчувствовать и оными наслаждаться, употреблю къ удовольствію и благоденствію своихъ дѣтей? Ибо мои дѣти, чистосердечно признаюсь, были моими учителями; примѣръ Филантропа и Агаты осчастливилъ мою страсть.

Сіи послѣдніе лучи счастія, осіявшіе мою жизнь, кажутся мнѣ теперь пріятнѣйшими, когда я уже достигъ до спокойной и безопасной пристани, нежели нѣкогда быстролѣтящей молніи удовольствія, въ туже самую минуту изчезающія, заставляли меня часто своимъ оглушающимъ звукомъ пробуждаться и раскаяваться. Сіи дѣйствія спокойной жизни, не основывающейся уже болѣе на пустыхъ разсужденіяхъ, представляютъ мнѣ благополучіе въ совершенномъ видѣ; тѣмъ болѣе душею ощущаемое, чемъ она ближе становится къ прехожденію въ вѣчность.

Удовольствїе сдѣлать другихъ счастливыми; радость, сїяющая на лицѣ Филантропа, осїяла и меня своими лучами, котораго я, принявши въ свой домъ, призрѣлъ, обогатилъ, избавилъ отъ угрожавшихъ ему бѣдствїй и соединилъ съ своею дочерью; благодарность ко мнѣ, начертанная на глазахъ Агаты, получивши изъ моихъ рукъ съ новою нѣжностїю прежняго своего любезнаго супруга, совсѣмъ уже исправившагося; удовольствїе видѣть около себя ласками осыпающихъ дѣтей, безпрестанно меня обнимающихъ и цалующихъ; хорошїя и признанїя исполненныя Хризалитовы качества; все это вливаетъ въ меня чувствованїе истиннаго удовольствїя; не могъ я до сего времени онымъ наслаждаться, которое теперь признаю я за самое чистое и прїятнѣйшее во всей моей жизни.

Вы, любезные друзья! (*) можетъ быть оное часто ощущали; ибо ваше состоянїе и званїе требуютъ отъ васъ стараться о благѣ всѣхъ людей; однако вы никогда онаго существеннѣе не ощущали, какъ я оное

(*) Сочлены Флорентинской Академїи наукъ.

вкушаю со времени исправленія моего сына, котораго ваши и еще нѣкоторыхъ ученыхъ мужей сочиненія ободрили послѣдовать примѣру живущихъ съ нимъ ближнихъ, и быть участникомъ въ моемъ удовольствіи. Сколь живое нравоученіе родители дать могутъ дѣтямъ своими поступками! И такъ примите отъ меня знакъ моей чувствительнѣйшей преданности и благодарности; и когда мое чистосердечное вамъ открытіе кажется вашего испытанія не недостойно, то докажите еще болѣе свѣту, описывая жизни уваженія достойныхъ мужей, что стезя добродѣтели есть единый и истинный путь къ вѣчному благополучію.

VIII.

УМОЗРИТЕЛЬНАЯ НАУКА ИСТИННАГО БЛАГОПОЛУЧІЯ.

Самое высочайшее желаніе всѣхъ къ блаженству сотворенныхъ существъ стремится къ достиженію сей ихъ единственной, любезнѣйшей и пріятнѣйшей цѣли, начиная съ младенчества до старости, съ преглупаго до премудраго, съ одного конца свѣта, до другаго; усильно стараются всѣ

имѣющїе душу и чувствованїя о исполненїи врожденной склонности; желанїе у всѣхъ общее, но средства оному удовлетворить по большей части сокрыты, и вступившїе въ сей путь скоро бываютъ обмануты предразсужденїями, скоро чрезъ незнанїе съ онаго сбиваются и скоро сами себѣ пресѣкаютъ сей путь неудовольствїемъ и злобою. Всюду усматриваетъ око Премудраго тысячи сдѣлавшихся несчастными отъ бѣдности, недостатка, и утѣсненїя, которые для того только и существуютъ, дабы того учинить несчастливымъ, которой не подобенъ имъ въ злоупотребленїи, страстяхъ и ослѣпленїи, или очень рано пересталъ имъ слѣдовать. Опытъ всюду доказываетъ, что самая трудная и однимъ только мудрымъ мужамъ представлена наука находить средства къ истинному благополучїю, а не употреблять сыскавши ихъ. Почему премудрѣйшїе изъ человѣковъ соединили всѣ силы здраваго разсужденїя для приведенїя въ систематической порядокъ ученїя о снисканїи и сохраненїи истиннаго благополучїя, стараясь болѣе о благѣ ближнихъ своихъ, нежели о славѣ своего имени. Вся Философїя клонится въ разсужденїи различныхъ своихъ частей, или должна только туда кло-

ниться, чтобъ насъ чрезъ правила премудрости сдѣлать счастливыми; открыть намъ пути къ познанїю, которыя бы насъ предохранили отъ несчастїя предразсужденїй, обмана, болезней душевныхъ и тѣлесныхъ; сдѣлать насъ способными къ познанїю добра и зла, исправивши напередъ наши внутреннїя и легко обманывающїя чувства, и чтобъ возвысить природную склонность ко всѣмъ хорошимъ дѣламъ. Безъ сей науки видимъ мы цѣлые народы, а можетъ быть третью часть земныхъ жителей, которые наподобїе устрицъ остаются на томъ же мѣстѣ, гдѣ родятся; живутъ и умираютъ, не зная ничего болѣе, какъ только предохранить себя на нѣсколько времени самымъ жалостнымъ образомъ отъ погибели, голода и поврежденїя. Безъ нее видимъ мы многочисленную часть своихъ ближнихъ, провождающихъ жизнь свою между безпрестанными желанїями и ненасытимыми хотѣнїями; между удовольствїями, которыя они глотаютъ, не чувствуя ни какого увеселенїя, и безъ всякаго разбору хотятъ только ихъ совокупить въ кучу; и наконецъ между болезнями, которыхъ они или могли бы избѣжать, или умѣли бы сносить. Безъ нее видимъ мы жизнь, потопляемую

въ пучинѣ досады, трудовъ и заботъ для того только, чтобъ почерпнуть нѣкоторыя скоро проходящія выгоды, служащія единственно источникомъ развратности и страстей, и влекущія за собою скорыми шагами раскаяніе и печаль; которыя тѣмъ чувствительнѣе бываютъ, чемъ болѣе удаляются отъ истинной стези Природы. Пока сія спасительная и самая лучшая изъ всѣхъ наукъ не отрясетъ отъ мысленнаго нашего зрѣнія мглу страстей, не приведетъ въ совершенство нашъ разумъ, не исправитъ наше сердце; до тѣхъ поръ пребудемъ мы неспособны къ наслажденію истиннымъ и совершеннымъ удовольствіемъ, и не будемъ довольны состояніемъ истиннаго благополучія; наслажденіе, произходящее отъ увеселеній, есть мгновенно; долгое продолженіе нашихъ страстей оставляетъ намъ по себѣ только болезненное чувствованіе. Коль кратка и бѣдна наша жизнь въ наслажденіи! Безпрестанно понуждаетъ устремить взоръ на жизнь колеблемую на морѣ, исполненномъ надежды и страха, мучимую различными желаніями и ненасытимыми хотѣніями, обуреваемую отъ быстраго пролива и отлива нашихъ неукротимыхъ страстей, и представляетъ намъ человѣческую участь болѣе пла-

чевною, нежели счастливою. И по тому философія, а особливо оной часть, которая содержитъ съ себѣ ученіе о исправленіи воли, есть необходимо самая нужная, чтобъ содѣлать нѣжность нашихъ чувствъ къ добродѣтели совершенною, возвести насъ на высочайшую степень удовольствія; и чтобъ вложить въ насъ такую твердость духа, которая бы противустояла ярящимся страстей вихрямъ, и укрѣпила бы душевныя силы, которыя разгоняютъ мрачныя облака предразсужденій и доставляютъ намъ вѣчное удовольствіе, произтѣкающее отъ спокойствія, которымъ награждаетъ насъ истинное благополучіе. Одинъ только Философъ въ состояніи избавиться отъ всѣхъ видимыхъ золъ, облегчить самыя необходимыя бѣдствія, избѣжать настоящихъ, прогнать досаду, отъ чувствованія оныхъ происходящую, всѣ дары, разсѣянные Природою, около себя собрать, пути къ тому ведущія легко открыть; всѣ средства благоразумно избрать, и до чего онъ достигъ или по случаю, или посредствомъ своихъ дарованій всегда наслаждаться пріятнѣйшимъ образомъ. Онъ одинъ только въ состояніи соединить вмѣстѣ хорошіе пути, показанные намъ только Природою и науками, къ удо-

вольствїю возвысить умственное воображенїе о истинномъ благополучїи, скрытомъ отъ простыхъ глазъ; въ умѣ представить себѣ лучшими прелести Природы; вспоминать о прошедшихъ обстоятельствахъ, изъ одной вещи производить многїя, и пользоваться предусматриванїемъ будущаго. Онъ находится въ состоянїи увеселяться счастїемъ подобныхъ ему людей; жить въ свѣтѣ, озаряющемъ мїръ и просвѣщающемъ его братїю; открыть новыя пути къ познанїю красоты и добра; изобрѣсти новые роды удовольствїя, а чрезъ сїе увеличить блаженство своей жизни.

Что въ животныхъ называется природнымъ побужденїемъ, и опредѣляется посправедливости то чрезъ тихое движенїе, производимое удовольствїемъ, то чрезъ непреодолимое стремленїе удовольствовать свои нужды, то чрезъ чувствованїе болезни, есть гласъ природы, побуждающїй къ сохраненїю жизни и воздержанїю оной; въ человѣкѣ же есть чрезъ познанїе и размышленїе, въ совершенство приведенное руководство разума, которое въ немъ располагаетъ сїе неизвѣстное побужденїе, и можетъ возвести его на такую степень совершенства, которая духъ его вознесетъ превыше всего земнаго; сходство воз-

растающаго счастія съ возрастающимъ познаніемъ, неоспоримо. Чемъ выше мы стоимъ, тѣмъ далѣе простирается наше зрѣніе; чемъ болѣе упражняемся мы въ наукахъ, тѣмъ легче покажутся намъ до сего времени сдѣланныя въ вещахъ открытія, оныхъ связь и послѣдствіе. Самая легчайшая стезя ведетъ насъ напослѣдокъ на извѣстную дорогу удовольствія; и наука, дабы достигнуть цѣли удовольствія, сдѣлается самою легчайшею, какъ скоро сей путь такъ располагаемъ, какъ будтобы слѣдовали по пріятной стезѣ Природы. Она говоритъ въ сердцѣ всѣхъ людей такъ: исполняй свои нужды, удовольствуй желаніе своихъ мыслей, старайся избѣгать болезней. Философія научаетъ употребленію сихъ наставленій, показывая при томъ какъ увеселяться безъ излишества, какъ вкушать удовольствіе безъ омерзенія, и какъ чрезъ умѣренность избавляться отъ болезней; въ семъ-то тѣсномъ кругѣ малыхъ и легко достигаемыхъ познаній содержится умозрительная наука истиннаго благополучія; и сколь бы ни велики предприняты были мѣры къ полученію, однакожь должны онѣ непремѣнно основаться на сихъ предложеніяхъ.

Первое условіе къ произведенію въ дѣйство того, чему научаетъ насъ Природа и изъ нее почерпнутая премудрость; первое главное основаніе къ истинному благополучію, есть здравіе въ Физическомъ смыслѣ, и свободность въ Моральномъ. Безъ сихъ двухъ наше благополучіе не можетъ быть причастно ни прямому внутреннему чувствованію, ни свободѣ отъ зла; ни пріумноженію, ни чистѣйшему удовольствію, ни всегдашнему продолженію и совершенству. Возвышеніе и перемѣна пріятныхъ чувствованій, которыя должны составить наше благополучіе, столь же безконечно различны, какъ и предметы, оныя возбуждающія; они принадлежатъ или къ удовольствію чувствъ, и воображенія, или къ третьему классу, изъ двухъ сихъ составленному; удовольствія нашего воображенія состоятъ отчасти въ пріятныхъ чувствованіяхъ прошедшихъ увеселеній, или въ изобрѣтеніи для насъ новыхъ прелестнѣйшихъ, нежели каковы были прежнія; или въ пылкой способности души себѣ видимое представлять, состоящей въ произвольномъ соединеніи пріятныхъ понятій, или въ нѣкоторомъ темномъ умственномъ возвышеніи степени удовольствій, обогащенныхъ новыми прибавленіями,

которыми мы когда нибудь наслаждались.

И по тому духовныя удовольствїя суть первыя, которыя мы послѣ чувственныхъ ощущаемъ; при томъ мы ими въ высочайшей степени тѣмъ болѣе наслаждаться можемъ, чемъ благоразумнѣе послѣднїя умѣемъ соединить съ первыми, и чемъ точнѣе бываютъ наши чувственные органы. Невещественныя и духовныя понятїя въ удовольствїи, которое они приносятъ душѣ, родятся сами отъ чувственныхъ представленїй, будучи ими всегда сопровождаемы. Мы занимаемся даже въ самыхъ небесныхъ странахъ понятїями чувственнаго мїра.

Сердечныя удовольствїя произходятъ отъ обоихъ прежнихъ: т. е. отъ чувственныхъ и умственныхъ. Извѣстная степень, которую преступить весьма рѣдко и мало можно, разпространяетъ разливающуюся теплоту по всѣмъ нѣжнымъ частямъ нашихъ органовъ; приводитъ нашу кровь въ скорѣйшее движенїе, производитъ въ жилкахъ сладостное чувствїе красоты и приводитъ все наше душевное существо въ прїятное состоянїе радости, которая тѣмъ легче сообщается душѣ, чемъ скорѣе произходитъ

вліяніе. Нѣжность, любовь надежда, радость, участіе въ сожалѣніи, или въ веселіи, пріятное перехожденіе души въ дружествѣ, всякая нѣжная страсть пока бываетъ содержана въ предѣлахъ умѣренности, или разсудка; до тѣхъ поръ производитъ сіе дѣйствіе; и тѣмъ бываетъ душѣ чувствительнѣе, чемъ болѣе оная приближается къ безумной роскоши, которой мудрая древность не устыдилась въ видѣ красоты, подавшей всякому поводъ къ роскоши, кто на оную взиралъ и по томъ наслаждался, Венеру Уранію включить въ число боговъ. Для того-то восхищеніе и удовольствіе всегдашніе спутники вѣрной дружбы, которыя часто равняются съ увеселеніями, происходящими отъ любовнаго пламени и еще оной превосходятъ, суть одни изъ величайшихъ средствъ, показывающія намъ путь къ истинному благополучію. Для того-то наше сердце чувствуетъ при Богоподобномъ чувствованіи сожалѣнія извѣстную степень удовольствія, которое мы также ощущать заставляемъ страждущаго, оказавши ему помощь. Для того-то ничто насъ столь не трогаетъ сильно, какъ страждущая красота, гонимая добродѣтель и утѣсненная невинность; мы имъ не можемъ отказать

въ своей помощи рукѣ, имѣніи, въ самой жизни и наконецъ въ слезахъ, очами проливаемыхъ, кои не могутъ оказать иной помощи, кромѣ знаковъ сожалѣнія. И естьли мы поможемъ человѣку, погруженному въ несчастіяхъ, то получаемъ за то въ награду истинное сохраненіе закона, будущее пребываніе на небесахъ и благословеніе Божіе, которое превыше всѣхъ похвалъ человѣческихъ и награжденія. Тѣ только столь сильно тронуты бываютъ радостными изображеніями всеобщаго веселія, у которыхъ сердце отверзсто къ симъ нѣжнымъ чувствованіямъ, что охотно желаютъ видѣть оное веселіе и внѣ себя; удовольствіе, вливаемое благотворительностію, не только содѣлываетъ человѣческое лице спокойнымъ; но и превосходитъ всѣ увеселенія, произходящія отъ танцованія и публичныхъ зрѣлищь; и сія добродѣтель тѣмъ бываетъ превосходнѣе, чемъ явнѣе оная оказана. Чемъ болѣе число веселящихся и перемѣнъ радости, тѣмъ большее ощущаемо бываетъ удовольствіе, которымъ наслаждаются люди, имѣющіе всѣ чувства, совершенное сердце и душу къ сожалѣнію склонныя, взирая на радость облагодѣтельствованныхъ ими.

Удовольствїе, ощущаемое отъ добродѣтели, наконецъ есть самое высочайшее, какого только можетъ человѣкъ достигнуть, и которое онъ, находясь въ состоянїи толь близскомъ, чтобъ отдавать оному Божескую честь, очистивши себя отъ всѣхъ грубыхъ мнѣнїй, долженъ себѣ представлять, какъ высочайшее добро, и всѣми силами стараться о сохраненїи онаго, въ которое привело бы его хотя счастїе, или несчастїе, нужда, или добродѣтель, случай, или собственное его желанїе. Неумѣренность въ чувственной роскоши разрушаетъ всѣ способности разума и лишаетъ его дѣйствїя. Излишество въ удовольствїи и неумѣренность въ вымышленїи новыхъ забавъ принуждаютъ насъ терять вкусъ истиннаго блага; ибо для человѣка, наполненнаго излишними желанїями, ничто не можетъ быть прїятно, что природа имѣетъ въ себѣ лучшаго. Однимъ только незагладимымъ чертамъ, которыми начертанъ въ душѣ нашей образъ добродѣтели, и одной только тайной и удивительной красотѣ, привлекающей насъ къ истиннѣ, порядку и благу, должно приписать, что удовольствїя, вливаемыя добродѣтелїю, бываютъ одинаковы съ сердечнымъ удовольствїемъ. Нѣтъ такого человѣка, которой

бы не могъ чувствовать сего благополучія; никакое состояніе не препятствуетъ дѣлать добро, никакое мѣсто чувствовать и никакое время не можетъ прервать наслажденія симъ внутреннимъ спокойствіемъ. На семъ благополучіи основаны истинное достоинство человѣческаго рода, величество нашей природы и неложная честь, въ неповрежденной совѣсти и справедливости состоящая, отъ него зависитъ чистѣйшее удовольствіе, которое никакой предметъ въ подобной степени доставить не можетъ помышленіе о невинности прошедшихъ лѣтъ и извѣстная надежда наслаждаться будущимъ блаженствомъ, всегдашнее чувствованіе нашего подобія съ Богомъ и всего того, что есть величественно и чудесно въ Его неисповѣдимыхъ свойствахъ; отъ него произтѣкаетъ обильный источникъ всѣхъ совершенныхъ и благихъ даровъ, низпосылаемыхъ отъ Отца свѣтовъ. Въ семъ состояніи возходимъ мы на такую степень блаженства, которая возбуждаетъ къ намъ почтеніе и любовь во всѣхъ людяхъ, народахъ, во всякомъ состояніи и во всякое время, какъ бы не жили богато, или убого. Въ семъ состояніи достигаетъ душа наша до первоначальнаго источника всѣхъ благъ и добродѣтели; пролетаетъ всѣ

страны небесныя, обращается со всѣми великими мужами, прославившимися во всѣхъ временахъ и народахъ своими дарованіями и добродѣтелію; обозрѣваетъ согласное строеніе всего творенія, соединяется съ существомъ существъ, сопровождаетъ премудрость Безконечнаго, чувствуетъ къ себѣ любовь милосердаго Создателя, произведена будучи Его всемогуществомъ, и преходитъ наконецъ изъ праха земнаго въ царство безсмертныхъ духовъ. Доколѣ чистѣйшій огнь добродѣтели не возпалилъ нашихъ желаній, дотолѣ тщетно стараемся мы постигнуть понятіе того, что въ цѣлой Природѣ непостижимо. Удаленіе отъ пороковъ научить насъ можетъ премудрости и познанію Природы, отвращенію отъ роскоши, опытамъ и подражанію великимъ мужамъ, открыть намъ путь къ познанію чувственнаго блага и высокихъ понятій и научить насъ къ чтенію и обхожденію; а истинное благополучіе можетъ только возбудить въ насъ охоту къ исполненію правилъ добродѣтели, научить насъ главнымъ основаніямъ закона и дать намъ силу и свойства, приличествующія мудрой, чувствительной и прямо благородной душѣ. Одна только добродѣтель составитъ счастіе нашей жизни, веселіе настояща-

го свѣта, славу позднѣйшихъ потомковъ; превосходное состоянïе, въ которомъ находятся благïе духи, и наконецъ высочайшее восхищенïе души, уподобляющейся Богу.

Но для чего немногïе изъ безчисленныхъ милïоновъ возходятъ на сïю единую и рѣдкую степень истиннаго благополучïя, къ которому кажется руководствуетъ насъ самое согласïе и разположенïе Природы? Для чего въ душѣ нашей находится сïя ненасытимая и никогда неутолимая жажда, которой къ сему стремленïе есть столь велико и всякому ощутительно, а средства, къ тому ведущïя, столь нерадиво и рѣдко употребляютъ? — Не потому ли, что всѣ наши разсужденïя съ малыхъ лѣтъ повреждены, и что отъ самой колыбели не берегли о нашемъ воспитанïи? Не по тому ли, что честь, гордость и богатство представляютъ намъ главными путями, а добродѣтель оставляютъ въ небреженïи, и заставляютъ всѣхъ насъ смотрѣть съ удивленïемъ на тѣ вещи, которыя случай, глупость и порокъ сдѣлали главнымъ предметомъ желанïй простаго народа? Не потому ли, что добродѣтельные люди столь рѣдки, что они мало бываютъ награждаемы и ободряемы? И

такъ не удивительно ли, что наши понятія, ошибаясь въ толь важныхъ вещахъ, предпринимаютъ ложныя средства и противныя намѣренія? Нѣкоторые благополучные, водимы будучи долго заблужденіями отъ незнанія, обмана чувствъ и худыхъ примѣровъ, и отъ тысячи ложныхъ представленій, достигли наконецъ до трудной и крутой стези добродѣтели, не желая быть другимъ извѣстными и подвергнуть себя ненависти и хулѣ, и быть предметомъ злобы и незаслугъ; они съ радостію оставляютъ жизнь, имѣя защитою добродѣтель, и желаютъ пребывать въ другомъ мѣстѣ, больше блаженства имѣющемъ, нежели каковъ сей свѣтъ, который отвсюду покрытъ мракомъ и окруженъ ярящимися вѣтрами. Юность подражающая болѣе примѣру, нежели ученію, будучи водима принужденіемъ, а не рукою мудраго Естества, сбивается хотя съ уской, однако красивой стези добродѣтели, и погружаетъ себя въ тинѣ роскоши во всю свою жизнь, которая была бы иначе исполнена счастія и спокойствія. Мужеской возрастъ обременяемъ бываетъ безчисленными и трудными заботами о чести и богатствѣ; наконецъ старость, привыкши къ безпорядкамъ и непреклонной свирѣпости лишается

способности и силъ. Сотворенъ ли сей міръ для благополучія? — Тѣ, которые сдѣлались счастливыми, доказываютъ возможность онаго; заблужденіе есть стезя къ истиннѣ, такъ какъ послѣ ночи бываетъ день; изъ тысячи старающихся о благополучіи никто не вышелъ изъ сего свѣта, которой бы не сдѣлался лучшимъ, нежели каковымъ онъ вошелъ.

IX.

Филантропъ.

Между душами добродѣтельными находится всегда тайное согласіе, которое наподобіе электрическаго огня, все съ нимъ соединяющееся воспламеняетъ и проницаетъ съ непреоборимою силою. Оно исполняетъ ихъ сердца божественнымъ чувствованіемъ, которое всѣмъ порочнымъ и непросвѣщеннымъ душамъ пребываетъ вѣчно, неизвѣстно. Оно возноситъ ихъ желанія къ достиженію высочайшаго въ жизни благополучія; ибо безъ сего согласія она никогда не была бы на землѣ любима, и не обрѣтши никакого для себя удовольствія, не могла бы имѣть никакой отрады и облегченія. Ихъ добродѣтельныя души

разпаляются священнымъ жаромъ, вливаемымъ божествомъ; они находятся по желанію въ восхищеніи и освѣщаемы бываютъ лучами того, кто влїялъ въ ихъ сердца столь благородныя склонности. Ихъ взаимное согласїе есть собственное содѣйствїе Божества, въ которомъ они находясь чувствуютъ сильнѣйшую любовь къ истиннѣ, красотѣ и благу; оно дѣлаетъ всѣ наши нервы чувствительными, дѣйствительными, и стремительными ко всему тому, что свойственно благородной и добродѣтельной душѣ. Всѣ добродѣтели имѣютъ свое начало и получаютъ пищу отъ первой и самой благороднѣйшей изъ склонностей; она отверзаетъ свои нѣдра всѣмъ тихимъ движенїямъ человѣчества и всѣмъ наставленїямъ закона.

И такъ не ощущали ли въ себѣ сїе прїятное согласїе Филантропъ и Филамора? Сїи двѣ добродѣтельныя души, одна для другой сотворенныя, могли ли не найти къ своему благополучїю пути, которой только одному изъ тысячи открытъ бываетъ? Могли ли они ошибиться въ исканїи счастїя, возвышающаго ихъ постепенно и руководствующаго имъ при несчастливыхъ случаяхъ жизни? Они

казались другъ другу высочайшимъ предметомъ ихъ ожиданій и единственнымъ жаланіемъ ихъ разпаленныхъ любовію сердецъ.

Филантропъ въ цвѣтѣ мужественной юности, не разслабленъ будучи никакими свирѣпыми страстями и сластолюбивыми побужденіями, которыя сдѣлали бы его нечувствительнымъ, казался своей любезной супругѣ Адонидомъ, одареннымъ Геркулесовою силою, или Богомъ музъ, облеченнымъ въ одѣжду міра. Всѣ его поступки были сопровождаемы добродѣтелію; каждой взглядъ исполненъ былъ любви и веселія и всякое слово изображало нѣжность его сердца.

Филамора для своего любезнаго предмета была болѣе, нежели какъ сіе вообразить, или живо начертать стихами можно; словомъ, она была для него совершенная утѣха и отрада. Онъ никогда не видалъ столь нѣжныхъ взоровъ, невинныхъ взглядовъ и такихъ ланитъ, на которыхъ изображались прекрасныя розы, съ богами толь сходственнаго подобія и толь прелестнаго и пріятнаго лица; никогда не являлась его очамъ смертная женщина съ большими пріятно-

стями, имѣющая столь величественной станъ и столь рѣдкую кротость и нѣжность. Любовь украсила ея глаза всѣми своими небесными прелестями, царствовала розовыми ея устами и скрывалась въ тѣни черныхъ ея волосъ. Съ того времени, какъ она увидѣла Филантропа, возрастало все ея существо въ достоинствѣ Ангела; душа ея ощутила въ себѣ, что одинъ только онъ былъ, безъ котораго она никогда на свѣтѣ не почувствовала бы любви и такого божественнаго пламени; сердце ея стремилось съ ощутительнымъ стремленіемъ изъ своихъ предѣловъ къ тому, кого она почти обожала. Во всѣхъ ея членахъ сіяла такая плоть, усматриваемая однимъ только Филантропомъ, которая возвысила красоту ея души, столь же превосходившей всѣ видимыя ея совершенства, сколько пріятности и расположеніе ея лица были несравненны въ разсужденіи всѣхъ другихъ Италіанскихъ красавицъ, что его почтеніе и любовь походили болѣе на обожаніе сея красавицы, нежели на одну только человѣку свойственную нѣжность.

Солнце уже скрылось за неизмѣримое пространство моря, когда Филамора при пріятномъ сіяніи Луны,

взявши за руку своего друга, ходила прогуливаться въ ближайшій лѣсокъ, лежащій при морскомъ берегѣ. Весь горизонтъ еще былъ освѣщенъ багряными лучами благодѣтельнаго Солнца, распространяющаго теплоту свою по небесенымъ и земнымъ сводамъ и начертывающаго ясно въ сердцахъ сихъ любовниковъ небесныя благодѣянія къ человѣческому роду. Волны съ шумомъ ударялись объ утесы береговъ, при которомъ они находясь, вкушали вечернюю прохладу; сады, наполненные благовонными цвѣтами и деревьями, изпускали пріятной запахъ и разсыпали всюду сокровища цвѣтущаго Маія по полямъ, сіяніемъ Луны освѣщеннымъ; всякая травка изпускала изъ себя прохладную росу. И сіи два любовника, сидя при брегѣ, изобильномъ водами, открывали свои сердца благотворной Природѣ; занимались разсужденіемъ о ея благодѣтельныхъ дѣйствіяхъ и услаждались мыслями, исполненными радости и удовольствія.

X.

ВЕСЕННІЙ ВЕЧЕРЪ.

Какъ можетъ нѣжная чета, находяс въ головности, вступить на высочаі

шую степень человѣческаго блаженства, взирать на тихое и пріятное вечернее время безъ признанія благодѣтельствующей Природы, все своею благостію оживляющей? Какъ можетъ она, видя всю природу, прославляющую своего Творца и возсылаемое отъ неба и земли ему благодареніе, быть не тронута, чтобъ не возчувствовать сильнѣйшаго восторга и чувствія благодарности? Филантропова добродѣтельная душа, соединя вмѣстѣ свои чувствованія съ чувствованіемъ покоющейся на его сердцѣ Филаморы, изливала оныя громкими словами, изъявляющими благодарность и поклоненіе Всевышнему. Ты прекрасная Природа для насъ процвѣтаешь! Ты украшаешь для насъ небо и приводишь насъ къ щастливому морю свѣта! Живая Природа во всемъ увеселяющемъ наши очи и въ вѣчныхъ сокровищахъ, сокрытыхъ отъ смертныхъ глазъ, есть неизмѣримая премудрость Всевидящаго божества; ея неложные знаки усматриваются въ безпредѣльномъ храмѣ Его твореній подъ нами и надъ нами, около насъ и въ насъ самихъ. Все, освѣщаемое сими пріятными лучами Луны, приноситъ благодареніе за свое бытіе своему Отцу и Творцу всѣхъ міровъ. Для насъ, моя возлюбленная, начертаны сіи небесныя письмена, ко-

торыя изобразилЪ Всемогущїй тысячью блестящими мїрами на тверди небесной! Для насЪ сотворенЪ свѣтЪ Луны, сїянїе и благотворная теплота Солнца и образЪ твоего нѣжнаго сердца! Для насЪ покрываетЪ весна поля густою и нѣжною зеленью, смѣшенною сЪ румяностїю, бѣлизною, лазурью и желтостїю, злату подобною, разныхЪ цвѣтовЪ, исполненныхЪ благовонїя; и наши души вЪ семЪ мїрѣ изЪ множества милїоновЪ обитателей земныхЪ, будучи одна для другой сотворены, не встрѣтившись почитали бы всю поверьхность земную за ненаселенную пустыню и степь; ничто бы имЪ не нравилось, и они бы ничего не нашли для себя любви достойнаго когда бы одна отЪ другой отлучились. Сколь ясное доказательство благости Божїя! Сколь чуденЪ Его промыслЪ! Сколь неисповѣдимы его судьбы; какая неразрывная цѣпь благополучїя, ведущаго насЪ кЪ познанїю Начальника всѣхЪ тварей и Совершителя, и Влекущаго вЪ объятїя всюду владычествующей любви! МожетЪ ли быть на земли какое радостное чувствованїе превосходнѣе нашего? И не возрадуется ли ТворецЪ, видя своихЪ тварей, ИмЪ счастливыми учиненныхЪ, приносящихЪ Ему чистѣйшую благодарность

и общее торжество прославляющей Его Величество природы.

Нѣтъ, сказала Филамора, для насъ не было другаго возможнаго благополучія, кромѣ сего! Естьли бы мы одинъ другаго не обрѣли, то бы вся красота міра была для насъ оставленная пустыня. Съ первой минуты вѣщало мнѣ сіе сердце, что оно не престанетъ для тебя горѣть! Первой взоръ привелъ всю мою кровь въ сильное движеніе! Любовь при каждомъ вздохѣ переселялась въ мои члены и одушевляла всякой предметъ, которой вблизи, или вдали касался моего друга. Внемли сему соловью и его пріятному пѣнію; онъ есть гласъ моихъ чувствованій, выраженіе сердца, ничего инаго незнающаго, кромѣ вздоховъ нѣжности! Воззри на сію горящую звѣзду на краю горизонта! Она есть образъ моей любви. Ощути сей тихой и прохладной вѣтерокъ! Онъ есть дыханіе нѣжно тебя любящей мо-моей души. Намъ кажется, всякая мысль возведенна на степень высочества, котораго мы до сего времени не знали, и Природа кажется намъ столько же влюбленна въ свое твореніе сколько мы влюблены въ благороднѣйшую и чистѣйшую, страсть и въ представленіе своего счастія. И такъ мо-

можетъ ли что нибудь намъ недоставать? Можетъ ли быть возможно другое какое величайшее благополучїе, какъ сїе? Скажи, любезной Филантропъ?

Сердце мое говоритъ, что оно только одно, которое для нѣжныхъ и добродѣтельныхъ душъ назначено; и что путь, по которому руководствуетъ насъ судьба и Природа, есть только одинъ, гдѣ мы можемъ оное найти. О естьли бы мы могли разумѣть сей гласъ Природы, сїе прохладное и тихое дыханїе вечерняго вѣтра, журчанїе сего источника, прїятной шумъ деревъ и всю согласную стройность Природы: то можетъ быть было бы все сїе однимъ только нѣжнѣйшимъ повторенїемъ нашихъ, или подобныхъ нашимъ тихихъ чувствїй радости и удовольствїя!

XI.

ЛЮБОВЬ.

Чувствованїе прїятнѣйшей страсти есть душа нашей жизни и свойство прекраснѣйшей половины нашего рода. Истинная любовь есть честь человѣческой Природы; она есть ве-

ликодушная, легко сообщающая свои силы и все возпламеняющая страсть, одерживающая надъ всѣми прочими побѣду; она увеличиваетъ и разпространяетъ разумъ, придаетъ ему во всемъ новыя силы и совсѣмъ его очищаетъ; она уничтоживаетъ наши погрѣшности, удаляетъ отъ насъ предразсужденія и дѣлаетъ насъ столько же скромными, сколько во всѣхъ поступкахъ справедливыми и осторожными. Она есть главный источникъ терпѣнія человѣческаго, умѣренности, учтивости, человѣколюбія, вѣрности и постоянства. Сколь великаго сожалѣнія достоинъ тотъ, кто никогда не былъ любимъ, никогда не питалъ въ сердце своемъ сей искры божественнаго огня! и по тому никогда не могъ знать, что помощїю ея можно достигнуть истиннаго благополучїя и проникнуть въ мудрыя разположенїя Природы! Печаль, скука, досада, наполнятъ лучшїя лѣта его юности и разрушаютъ ежечасно спокойствїе его жизни. Отъ любви только чувствуемъ мы сугубо всякое удовольствїе жизни въ прекраснѣйшемъ видѣ; она преодолѣваетъ трудности и премѣняетъ всякое случаещееся злополучїе въ сладчайшее удовольствїе. Кто можетъ скорыя, сильныя и кипящїя движенїя мужескихъ страстей изобра-

зить сходственными съ Природою красками? Кто возможетъ ясно описать живыя восхищенія и пріятное волненіе сей владѣющей всѣми частями человѣческаго тѣла склонности? Вскорѣ премѣняется сія страсть то въ скорую и трояко - живую радость, которая наподобіе солнечныхъ лучей просіяваетъ изъ нѣдръ тучь, то въ нѣжное разслабленіе, то въ пріятное восхищеніе, всѣ болезни преодолѣвающее и заставляющее всѣ бывшія въ жизни страданія предать забвенію. Стыдъ, страхъ, надежда, желаніе, и воображеніе служитъ пищею сей страсти, которая въ тысячу разъ пріятнѣе упоевающаго и омерзительнаго дѣйствія всѣхъ гнусныхъ страстей, которыя никогда не могутъ привести человѣка въ восторгъ, объемлющій прекрасныя и благородныя души, безъ Божественнаго огня добродѣтели, его возпламеняющаго.

XII.

ПРОГУЛКА.

Хризифилъ наслаждался чистѣйшимъ удовольствіемъ, раздѣляя все счастливое время своихъ дѣтей и всѣ чувствованія радости, которыя воз-

буждалъ онъ въ нихъ своимъ примѣромъ, и старался всегда оныя сохранять. Онъ часто ходилъ съ ними въ цвѣтущїе свои сады, насажденные при брегѣ морскомъ, бывшїе столь прекрасными мѣстами, въ которыхъ они оказывали чистую и непорочную свою любовь въ то время; когда Природа пробуждалась отъ сна, когда жизнь и плодоносїе исходили изъ вратъ утра ко всѣмъ тварямъ. Онъ смотрѣлъ съ ними на величественное солнца возхожденїе, на вливающее во всѣхъ радость свѣтило дневное; онъ разсматривалъ съ ними прекрасное и нехудожественное украшенїе Природы, которое только благороднымъ душамъ бываетъ ощутительно и въ нихъ только приводитъ въ движенїе радость, повергающихъ предъ Всемогущаго сею только радостїю. Добродѣтельныя души бываютъ тронуты, смягчены, и возвышаясь близки бываютъ къ Богу; въ то самое время душамъ, взирающимъ на всѣ безчувствованїя, Природа кажется нѣмымъ витїею и всѣ ея красоты неудивительными. Возхожденїе солнца, многогласное, прїятное и слухъ услаждающее согласное пѣнїе птицъ, благовонной запахъ отъ орошенныхъ росою цвѣтовъ, прохлада воздуха, все разговаривало съ ихъ сердцемъ при-

влекательнымъ и вразумительнымъ наречїемъ, призывающимъ ихъ къ поклоненїю Творцу. Когда солнце позлатило верьхи цвѣтущихъ деревъ; когда его величественной видъ изобразился въ прозрачныхъ морскихъ волнахъ; когда оно посеребрило струи маленькихъ источниковъ; когда сїе свѣтило поздравило первыя скачущїя овечки: тогда сїи счастливые люди тихо приносили свои моленїя. Милосердый, человѣколюбивый, благотворительный Боже! прими отъ насъ благодаренїе, Тебѣ приносимое за то, что Ты даровалъ намъ чувствительное сердце, чувствованїе Твоей вездѣсущей и всеоживляющей благости! Прими благодаренїе за нѣжное впечатлѣнїе Твоихъ щедротъ, утвержденное въ нашихъ мысляхъ, за источникъ свѣта, представляющїй все намъ въ толь прїятномъ видѣ! Прими отъ насъ благодаренїе, великїй Царь природы, за то благодѣянїе, что Ты каждую прїятную минуту нашей жизни исполняешь твоею благостїю, что мы еще заблаговременно чувствуемъ свое счастїе и столь прїятно оное вкушаемъ, что ты позволяешь еще продолжаться прїятнымъ мыслямъ и веселящему намъ воспоминанїю и по протеченїи самаго удовольствїя! Чрезъ Тебя чувствуемъ мы

врожденное въ насъ и согласное побужденїе все оживляющей и живопворящей природы со всѣми ея сокровищами.

XIII.

Добродѣтель.

Да будемъ мы, любезныя дѣти, говорилъ Хризофилъ, въ великомъ согласїи природы громкими и неразстроенными струнами, звучащими ея чудеса! Да согласуемся въ мысляхъ и дѣлахъ съ прекрасною стройностїю нашего Творца, все столь премудро разположившаго! Сердце научаетъ насъ всѣму тому, что есть добро, справедливо, велико и хорошо; когда мы ему послѣдуемъ и пребываемъ вѣрными исполнителями правилъ добродѣтели, долженствующей неотмѣнно оное подкрѣплять, то согласумся мы со всѣмъ тѣмъ, что есть угодно Богу и исполненно удовольствїя. Наше сердце страдаетъ со всѣми несчастливыми, повелѣваетъ намъ быть всѣмъ страждущимъ братьями, сильно вступается за общее благо человѣческаго рода; и когда бы оно имѣло власть, то перемѣнило бы все не-

стройное въ благополучнѣйшую стройность. Оно стремится ко всѣмъ добродѣтельнымъ, удивляется хорошимъ поступкамъ, съ удовольствїемъ имъ подражаетъ, любитъ ихъ похвальныя дѣла, и возхищается всѣмъ природы согласїемъ, ведущимъ къ добродѣтели и любви къ Богу. Какъ мы не сдѣлаемся счастливыми, другихъ осчастлививши! Я, любезныя мои дѣти, долго заблуждаясь въ томъ, чего я вотще искавъ въ скучныхъ сего свѣта забавахъ, нашелъ только оное во внутренности моей души! Я долго запустою гонялся мечтою счастїя, ожидавшаго меня со времени исполненїя наставленїй добродѣтели, и познакомившаго меня съ чистѣйшими увеселенїями, вливаемыми человѣчествомъ! При васъ, любезные друзья, нашелъ я оное въ тѣни старости, въ которой будучи спокоенъ, хочу препровождать послѣднїе и счатливые дни въ вашихъ объятїяхъ, увеселяться вашимъ благополучїемъ, и окончивши свои дни, прейти въ жилище мира и тишины.

Ты, который просїявать благоволишь симъ веселымъ днямъ благополучїя при концѣ моей жизни, при оживляющемся благополучїи моихъ дѣтей вмѣстѣ съ согрѣвающими лу-

чами удовольствїя наподобїе тѣхъ, которыя сѣверная птица препровождаетъ на цвѣтущихъ островахъ тихаго океана при согрѣвающемъ солнечномъ сїянїи для разпространенїя своихъ потомковъ! Ты, который позволяешь преходить изъ ихъ сердецъ легко сообщающемуся огню любви сожалѣнїя и единогласныхъ чувствованїй радости, и прїятнымъ ихъ пламенемъ согрѣваемыя охладѣвшему сердцу моему! Ты Владыко твари, который зиму моей безполезно препровождаемой жизни обогащаешь плодами благотворительности, дружества и всѣхъ прїятныхъ сердца движенїй! Боже и Отче добродѣтельныхъ душъ! сколько прїятно сїе послѣднее моихъ дней спокойствїе! Сколь оно тихо и не нарушается никакимъ колебанїемъ мыслей! Сколь увеселительно взирать на то прехожденїе, которое премѣнитъ сей мрачной сонъ жизни въ безконечное блаженство! Сколь непостижимы Твои пути и управленїе человѣческою судьбою! Сколь святы Твои благословенїя, низпосылаемыя добродѣтельнымъ сердцамъ! Сколь милостиво Ты прїемлешь угодившихъ Тебѣ чадъ! Отче человѣковъ! нѣтъ довольно словъ изъяснить всѣ твои щедроты!

Моглоли что нибудь въ семъ безпокойствій исполненномъ свѣтѣ быть не доставлено тому, кто наслаждался всѣми благими счастія, никогда онымъ не насыщаясь; и бывши владѣтелемъ чегобъ я не имѣлъ, ни мало о томъ не заботясь, что милліоновъ нашелъ я внѣ сихъ расточеній? Нынѣ только, когда счастіе моихъ дѣтей составляетъ мое собственное; когда оказываемыя мною благодѣянія приносятъ мнѣ живѣйшую радость, нежели ваше веселіе; когда я наслаждаюсь всѣмъ счастіемъ, возможнымъ только человѣку; нынѣ только познаю, что нѣтъ другаго пути на свѣтѣ и на небеси, ведущаго къ благополучію, кромѣ пути добродѣтели.

И вы, о любезные дары небесъ, естьли бы могли на пути, вами избранномъ, найти все то, что я на моемъ пренебрегалъ, наслаждаться вѣчно тѣмъ, что предо мною безъ всякаго удовольствія изчезало, и веселиться безъ всякаго шума, котораго я всячески удалялся, тѣмъ, что вамъ представлено въ долгомъ теченіи жизни.

XIV.

НЕТТУНО.

Нѣжныя души, которыхъ судьба долго останавливала предъ ихъ соединенiемъ на сей долинѣ любви, усыпанной цвѣтами, и долго обманывала ихъ прiятнѣйшими воображенiя мечтами, отправились въ прекрасную изъ всей Италiи страну, лежащую при морскомъ берегѣ, где воздвигнутъ былъ великолѣпной замокъ Неттуна на остаткахъ древняго Антiя. Они смотрѣли на зеленыя верьхи мраморной горы, съ которой низпадалъ ручей на три ста футовъ съ великимъ шумомъ и пѣнился; они осматривали покрытыя виноградомъ берега, и гдѣ тучныя стада паслись благовонными цвѣтами; они приходили въ востроrъ, взирая на красоту Природы. Когда они смотрѣли, тогда солнце клонилось уже на Западъ, которое съ сожалѣнiемъ по видимому оставляло ихъ счастливую страну; и какъ они въ себѣ ощущали радость, что сей окончивающейся день проведенъ ими былъ не безъ оказанiя благодѣянiй и справедливости: то коликою радостiю освѣщалось ихъ лице отъ послѣднихъ трепещущихся

солнечныхъ лучей! Коликою возпламенялось ихъ сердце благодарностїю и любовїю къ тому, который собралъ около ихъ толикїя любезныя дѣла, толикїя тысячи предметовъ, приносящихъ удовольствїя! Сколь прелѣстнымъ и новымъ кажется все очамъ, старающимся только видѣть счастїе любезнаго предмета, увеселяющимся только радостїю, чувствуемою отъ сего предмета, и взирающимъ на природу сквозь волшебное стекло любви! Сїи взоры не казались бы столь восхитительными никакому сердцу, прїобыкшему къ чувствованїю согласїя, и никакимъ любовїю упоенным мыслямъ, каковыми они были для Филантропа и Филаморы, для Хризалита и Агаты. Нѣсколько времени находится только въ жизни человѣческой, которое для него бываетъ самымъ благополучнѣйшимъ; какъ скоро вышелъ онъ изъ лабиринта любви, то нѣтъ для него никакого на свѣтѣ утѣшенїя и отрады.

XV.

ДРУЗЬЯ.

Такъ препровождали дни свои друзья добродѣтели и чада счастїя, имѣя

еще яснѣйшее понятїе опрехожденїи въ вѣчность, и будучи чувствительны ко всякому благородному наслажденїю, содѣлывающему для нихъ свѣтъ толь прекраснымъ, что они никогда не впадали въ искушенїе, чтобъ какой нибудь другой свѣтъ лучше долженствовалъ быть. Они почитали всю жестокость своихъ приключенїй за счастливое средство, познакомившее ихъ съ несчастїемъ, безъ котораго ихъ добродѣтели пребывали бы въ неизвѣстности; ихъ настоящее счастїе не имѣло бы въ себѣ никакого увеселенїя и протѣкло бы въ мятежѣ и безпокойствїи безъ всякаго удовольствїя. Съ дѣтскою радостїю наслаждались драгими дарами Природы, которыхъ самые малѣйшїя красоты и различныя непримѣтныя перемѣны изъ красоты въ красоту они ощущали съ величайшимъ восторгомъ. Сколь многимъ друзьямъ открывали они свои сердца; ибо каждой несчастливой, человѣкъ казалось имъ, имѣлъ отъ природы право участвовать въ ихъ дружбѣ! Сколь были они чувствительны! Сколь въ оказанїи помощи ревностны для всякаго человѣка, какъ будто онъ былъ единственнымъ предметомъ ихъ сожалѣнїя! Коликой и чувствительной ко всѣмъ благотворительности исполняла ихъ об-

щая склонность къ добродѣтели! Сколь усильно старались они добрыми дѣлами увеличить другаго удовольствїе! Сколь отважно тщились они всегда, будучи вообще соединены, участвованїемъ въ благѣ, въ учиненїи себя великими достигнуть границъ возможности; однакожь никогда ихъ не переступая, наипаче когда они были сопровождаемы всегдашнимъ и непремѣннымъ чувствованїемъ истинны, и всегда имѣли предъ очами великое изображенїе всѣхъ добродѣтелей Спасителя мїра и всѣхъ оставленныхъ братїй Избавителя и Утѣшителя! Поистиннѣ, любовь возводитъ насъ на высочайшую степень нравственныхъ чувствованїй и познанїя всего того, что есть хорошо, добро, величественно и высоко, и что оно дѣлаетъ насъ способными въ высочайшемъ степени къ дружескому обхожденїю со всѣми на свѣтѣ живущими, къ согласному дѣйствованїю съ цѣлою природою, къ прїятнѣйшимъ чувствованїямъ того состоянїя, которое хладнымъ сердцамъ вѣчно пребудетъ невѣроятнымъ, къ постояннѣйшему сообщенїю нашего удовольствїя и къ непосредственному влїянїю въ насъ Божества.

XVI.

Хризалитъ.

Пока еще въ углубленное и съ долгаго времени къ порокамъ прїобыкшее сердце не проницаетъ сильно дѣйствующая прелѣсть добродѣтельныхъ поступковъ, до тѣхъ поръ она, укрѣпясь на любви достойныхъ примѣрахъ, составляющихъ неразрывно дружеское общество, бросаетъ стрѣлы свои на презрителей добродѣтели. Съ того времени, какъ Хризалитъ примирился съ любви достойною Агатою; и когда онъ началъ стараться, чтобъ въ добродѣтеляхъ уподобиться своей сестрѣ и Филантропу: воспослѣдовала съ нимъ такая чрезвычайная перемѣна, что ни одной черты прежней изпорченой его природы не оставалось, и всякой вредной отростокъ пороковъ искоренenъ былъ изъ его внутренности, которой бы могъ разпуститься къ его погибели, Онъ пробудился отъ мрака невѣжества, въ которомъ онъ, будучи наподобїе помертвевшей гусенины, долго препроводилъ лучшую часть своихъ младыхъ лѣтъ во снѣ и мечтанїи; вступилъ въ хорошее состоянїе, исправившы свои склонно-

сти; познал ясно тѣ знаки, под которыми древность представляет иносказательно свойство человѣческой души; и в сїе время свѣт казался для него столь же новым и каждое наслажденїе было для него столь же нечувствительно, сколь и для бабочки, вскорѣ пробудившейся от долгаго зимняго сна, которая с безпрестанною радостїю облетает и садится на всяком цвѣткѣ. Но Хризалит проходил мимо сих цвѣтов своей жизни с презрѣнїем наподобїе гусеницы.

Хризалит вскорѣ сдѣлал счастливою новую свою и к добродѣтели возвратившуюся жизнь, подражая добродѣтелям своего брата и сестры, наслаждался прїятными объятїями своей невинной супруги и дѣтей, видѣл в их непорочности живое изображенїе довольной и спокойной веселости, истинной, и на добродѣли основывающейся счастливой жизни. Он чувствовал, что не может паки погрузиться в мерзости прежняго своего состоянїя, а добродѣтель оставить.

XVII.

Хризалитъ къ Лоренцу.

13 Iюля.

Вы не можете, любезной другъ, ясно себѣ представить всѣ тѣ удовольствія, нами здѣсь вкушаемыя! Мнѣ истинно жаль, что мы не можемъ вообще съ вами участвовать во всѣхъ удовольствіяхъ, которыя безъ васъ я не столько чувствую! Представте себѣ, что я здѣсь столько же всѣмъ нравлюсь, сколько и своимъ домашнимъ! Всякой знаменитой и богатой нашего города гражданинъ старается меня пригласить къ *пиршествамъ*, танцамъ, играмъ и концентамъ, прежде нежели я дамъ слово быть у кого нибудь слѣдующаго дня. Мнѣ кажется, что я увеличиваю ихъ удовольствіе, видя меня удивляющимся ихъ великолѣпію. Вамъ извѣстно, что въ палермѣ болѣе другихъ мѣстъ пристрастны къ чрезвычайному великолѣпію; и какъ мои уборы ни въ чемъ не уступаютъ самымъ знатнѣйшимъ палермскимъ Дворамъ, то я приписываю это болѣе желанію и ревности превзойти множествомъ увеселеній, которыя, кажется, для меня только представля-

ютъ. Вчерашняго дня отправляемъ былъ праздникъ нашихъ Святыхъ покровителей. О естьлибъ вы видѣли великолѣпныя платья и уборы, въ какихъ находились всѣ знатныя Госпожи! Всѣ признавались, что въ Палермѣ еще никогда не было видано столь великихъ расточеній при семъ случаѣ! Вы видѣли въ Римѣ, какъ освѣщается храмъ Петра Апостола въ Лореттѣ Маріи, увеселенія бывающія на Святой недѣлѣ, и у насъ великолѣпные ходы, отправляемые обыкновенно въ день Вознесенія Господня, однако я васъ увѣряю, что все сіе совсѣмъ сравнить не льзя съ тѣмъ великолѣпіемъ, которое я здѣсь видѣлъ. Наша катедральная Церьковь была освѣщена пятью стами люстръ. Вся внутренность была украшена зеркалами, вѣнцами, сплетенными изъ цвѣтовъ, и горшками, позлащенными статуями, разною священною рѣзьбою Образами, и такимъ множествомъ блестящихъ плитокъ, утвержденныхъ на сводахъ, что не возмогу описать вамъ всего того, что производитъ въ человѣкѣ первое воззрѣніе на сіе великолѣпіе. Дватцать восемь ближнихъ Олтарей, которые, такъ какъ и главной Олтарь, были окружены множествомъ стѣнныхъ подсвѣшниковъ, казалось, испускали отъ себя

источникъ свѣта, и все отъ множества зеркалъ безконечнымъ кажущееся зданїе премѣнилось въ огненное море. Торжественная колесница Святой Розалїи была одно только движущееся зданїе, столь великолѣпно сооруженное, что не менѣе пятидесяти шести лошаковъ потребно было для приведенїя въ движенїе сей колесницы. Лошаки всѣ были покрыты серебреными коврами, шытыми золотомъ, и ведены были по освѣщеннымъ улицамъ и по трїумфальнымъ воротамъ, столь-же великолѣпно одѣтыми вождями. Самая же колесница длиною семнатцать футовъ, шириною тритцать футовъ, а вышиною превозходитъ самые высокїе Палермскїе домы. Передняя часть уподобляется амфитеатру, которой служитъ оркестромъ, и наполненъ былъ лучшими музыкантами и пѣвчими; надъ онымъ утвержденъ большїй на Коринфскихъ столбахъ и множествомъ Святыхъ и Ангеловъ украшенный купалъ, на которомъ стояла въ человѣческой ростъ статуя Святой Розалїи. Въ самомъ дѣлѣ, естьли бы она была въ половину толь хороша, то восхитила бы меня сїя Святая на небо безъ всякаго великолѣпїя, ее окружающаго. Ея тронъ, кажется, помощїю машинъ двигался, которой украшенъ былъ померанцовыми деревьями, цвѣтами и искустно сло-

женными кораллами; по всякихъ пятидесяти шагахъ остонавливался ходъ, и оркестръ игралъ музыкальную штуку съ пѣснями въ честь Святой. Вы не имѣете понятія о Сицилійскомъ оркестрѣ, зная, что Габріелли и Пашеротти только въ свѣтѣ находятся; и когда бы васъ еще привело въ восхищеніе молящееся положеніе сей Святой, то бы вы не могли быть нетронуты пріятностію голосовъ, подобною Ангельскому согласному пѣнію, которое, казалось, изъ самой Розаліи происходило. Сей торжественной ходъ отъ Марино даже до Портнуова сопровождало дворянство во всей своей пышности между народомъ, одѣтымъ въ пестрое платье; по окончаніи сего хода воспослѣдовало освѣщеніе Марино. Сіе гуляніе, сказываютъ, можетъ сравниться съ знаменитѣйшими Китайскими праздниками. Оно было уставлено сводами и пирамидами, которыя были перевиты поддѣланными цвѣтами и освѣщены лампадами и милліонами плошекъ.

При концѣ сего длиною на цѣлую милю гульбища поставленъ былъ большой фейерверкъ, представлявшій снаружи чертоги, украшенные столбами, сводами, трофеями, рѣзьбою, вѣнцами, перспективами; словомъ, всѣми украшеніями Архитектуры. Все

шебеки, галеры и прочія суда, изображали плавающій амфитеатрЪ около сего зданія. Нѣсколько выстрѣловЪ изЪ пушекЪ сдѣлали начало и вЪ мгновеніе ока загорѣлось все зданіе. ВЪ то же самое время фонтаны, сдѣланные на площади, начали испускать огонь и представляли прекраснѣйшіе водометы, сдѣланные вЪ Версаліи и Марли — лишь только они погасли, то перемѣнилася тотчасЪ сія площадь вЪ величайшій садЪ, украшенной огненными пальмовыми и померанцовыми деревьями, цвѣтами, вЪ горшкахЪ насажденными, цвѣтниками и другими украшеніями. КакЪ скоро садЪ изчезЪ, то и окончилось сіяніе чертоговЪ, и выскочило со всѣхЪ сторонЪ великое множество солнцевЪ, звѣздЪ и огненныхЪ колесЪ, бывшихЪ причиною разрушенія чертоговЪ. ИзЪ сей смѣшенной кучи пущено было нѣсколько тысячь огненныхЪ шаровЪ, бураковЪ, большихЪ и маленькихЪ ракитокЪ, которыя, казалось, наполняли всю атмосферу, и премѣнили оную вЪ огненное море. Между сими великолѣпными освѣщеніями, превозходившими дѣйствително все то, что вЪ семЪ родѣ лучшаго видѣть можно, ѣхали кареты Палермскаго дворянства сЪ величайшимЪ ихЪ великолѣпіемЪ, и оказывали красоту зна-

тныхъ Госпожъ и блескъ ихъ драгоценныхъ каменьевъ самымъ превозходнымъ образомъ. Рукоплесканіе и радость были вообще всѣми оказываемы; удовольствіе блистало изъ очей всѣхъ зрителей и всякой въ сердцѣ оное ощущалъ. Я сердечно желаю, чтобъ вы были свидѣтелями нашихъ увеселеній, и приумножили удовольствіе вашего друга своимъ присутствіемъ.

XVIII.

УЗАКОНЕНІЯ.

Хризалитъ исправившись, сдѣлался вторымъ Павломъ. Онъ пріобрѣлъ стараніемъ и прилѣжаніемъ столь полезныя науки, что былъ утѣшеніемъ и помощію множества лишенныхъ помощи людей, угнѣтаемыхъ бѣдностію и болѣзнями. Римъ зрѣлъ благороднѣйшія дѣянія мужа, одареннаго равною ревностію и равною прозорливостію. Онъ читалъ многія, но только хорошія, обще полезныя прославляющія добродѣтель и наполненныя ея нравоученіями сочиненія; онъ обходился только съ достойными и въ свѣтѣ искусившимися мужами, съ такими учеными людьми, кото-

рыхъ болѣе душевныя свойства дѣлали почтенія достойными, нежели науки, ими знаемыя; онъ издавалъ самъ сочиненія, исправляющія нравы, научающія и наставляющія добродѣтели, и заслужилъ то, что всѣ жившіе съ нимъ ему удивлялись. Онъ привелъ въ порядокъ учрежденія и законы, опредѣлялъ награжденія самыми полезными задачами; онъ основывалъ общества, заводилъ собранія для исправленія народныхъ нравовъ, закладывалъ обще народныя больницы достойныя его имени, учредилъ судебныя мѣста и полезныя установленія, пріобрѣтшія ему имя общественнаго благодѣтеля. Онъ показалъ богатымъ людямъ своимъ примѣромъ, что дары счастія для того только имъ даны, чтобъ дѣлать подобныхъ себѣ счастливыми, что почитая себя отцомъ бѣдныхъ, долженъ быть полнымъ владѣтелемъ благополучія; а чрезъ то ясно имъ доказалъ, что всѣ живущіе въ изобиліи поступаютъ не справедливо, не стараются объ оказаніи помощи страждущей бѣдности, и пребываютъ жестокосерды, не чувствуя сожалѣнія и сострàданія, и должны быть почитаемы не за что иное, какъ за чудовищъ, почитающихъ подобныхъ себѣ за свирѣпыхъ тиранновъ, лишающихъ злоупотребленіемъ своего

богатства, сожалѣнія честнаго человѣка, которой бы употребилъ лучше ихъ сокровища за ужаснѣйшее зло, кроющееся въ обществѣ, за тягость государства и за язву, опустошающую земной кругъ; и они то заслуживаютъ, чтобъ всѣми были презрѣны и оставлены безъ всякой помощи.

Онъ старался съ тѣмъ же самымъ неутолимымъ прилѣжаніемъ, съ которымъ онъ прежде исполнялъ только глупыя свои желанія освобождать всѣхъ несчастныхъ отъ бѣдствій, ими претерпѣваемыхъ, избавлять ихъ отъ погибѣли и возвращать ихъ скорою помощію на стезю добродѣтели, и исходатайствовать милость заблудшимъ членамъ общества, которыхъ побудили или голодъ, или содержаніе ихъ фамилій къ нарушенію покоя и разрыву общественнаго союза. Всѣ сіи благодѣтельныя поступки основаны на нерушимости законовъ и сопровождаемы увѣщаніями къ судьямъ, чтобъ они сперва разсмотрѣли обстоятельства дѣлъ и споры, въ случаѣ обиды, несправедливости, посрамленія и конечнаго лишенія имѣнія, а потомъ рѣшили, взирая на человѣческіе законы.

Хризалитъ, возпаленъ будучи ревностію и любовію къ добродѣтели, преодолѣлъ всѣ затрудненія, проти-

вополающія впрочемъ и величайшему богатству непроходимыя опасности; съ сею геройскою склонностію старался онъ наподобіе втораго Геркулеса истреблять всѣ несправедливости, предупреждать всякое утѣшеніе, и сколько онъ былъ въ состояніи благодѣтельствовать своимъ имѣніемъ и любовію къ добродѣтели, то дѣлалъ онъ все не изъ тщеславія и пышности, но для добродѣтели. Его спутники были не менѣе его счастливы, будучи свидѣтелями и участниками въ толь хорошихъ дѣлахъ, споспѣшествователями и помощниками въ благороднѣйшихъ поступкахъ. Всюду разливающаяся радость была наградою столь человѣколюбивыхъ дѣлъ; чистѣйшій свѣтъ осіявалъ всѣхъ ихъ взоры на прехожденіе въ вѣчность, мудрость и благость сопровождали ихъ въ пути къ благополучію и вознесли имена ихъ еще при жизни въ храмъ безсмертной добродѣтели.

XIX

СОБРАНІЕ

Хризофилъ со всемъ тѣмъ, что знатность породы и богатство могутъ доставить, презиралъ суетной

вкусъ богатыхъ, собирателей драгоцѣнныхъ милостей, ослѣпляющихъ одни только глаза, и нужду обладателя, не знающаго прямой цѣны своей души, и не имѣющаго никакого свѣденія о благоразумномъ употребленіи счастія. Онъ не собиралъ ни книгъ, ни картинъ, ни улитковыхъ раковинъ, ни камней, ни звѣриныхъ кожь, ни художественныхъ работъ, тлѣнію подверженныхъ и не приносящихъ совершенное удовольствіе съ небреженіемъ удивляющемуся ихъ рѣдкости.

Но онъ имѣлъ свойственное однимъ только благороднымъ душамъ желаніе познать то, что на семъ свѣтѣ болѣе всего заслуживаетъ почтеніе; и привлекая къ себѣ добродѣтельныя и хорошія души, сдѣлалъ свой домъ собраніемъ дюдей рѣдкихъ и любвидостойнѣйшихъ свойствъ. Ученые мужи чрезвычайныхъ дарованій, люди пылкихъ умовъ, посвятившіе себя добродѣтели, художники, дѣлавшіе прекрасные изображенія для исправленія вкуса въ красотѣ и величествѣ; друзья человѣчества, проповѣдники, добродѣтели примѣрами и дѣлами путешествующіе, для блага человѣческаго торгующіе безъ имени подлаго корыстолюбія, заслуженные воины, соединившіе съ опытомъ мудрость и добродѣтель;

вотъ были достойные члены его училища добродѣтели! Вотъ были участники награжденія за собраніе, состоящее прямо изъ благополучныхъ людей!

Совсѣмъ было не возможно, находясь въ Хризофиловомъ домѣ, провести нѣсколько времени между обществомъ столь высокопочтенныхъ мужей, не разпалившися ревностію къ добродѣтели и не пришедши вмѣстѣ съ ними въ восторгъ. Никто не дерзалъ подойти къ храму, заключенному для всѣхъ грубыхъ и непросвѣщенныхъ людей; ктожъ въ оной вступилъ, тотъ не выходилъ изъ онаго, не исправивши себя и не возъимѣвши почтенія къ высочеству, до какого только человѣкъ можетъ достигнуть, не исполнившись благодарности и движенія отъ обитающихъ тамо чистѣйшихъ чувствованій, и не просвѣтившись наподобіе Моисея божественнымъ свѣтомъ.

XX.

Загородной домъ

Чѣмъ болѣе Хризофилъ удостовѣрялся о томъ, что истиннымъ благо-

полученіемъ жизни назначено; и чемъ болѣе удалялся онъ отъ пустаго тщеславія богатства: тѣмъ простѣе были его удовольствія, тѣмъ чистѣе была его радость, тѣмъ паче нравилась ему высокая и нехудожественная простота природы. Рѣдко, и то на короткое время ѣздилъ онъ въ городъ, наполненной толикою тѣснотою, гдѣ всякой предметъ еще наполнялъ ему о прежней порочной жизни, кипящей его юности. Загородной домъ и непышныя деревни были любезнѣйшимъ пребываніемъ. Тамъ жилъ онъ въ отдаленіи отъ множества ласкателей и тунеядцовъ, (*) въ отдаленіи отъ надменныхъ гордецовъ и безславныхъ мотовъ; онъ тамъ пребывалъ, ни мало не заботясь о роскошѣ и безумной пы-

---

(*) *По сей причинѣ, говоритъ одинъ философъ новѣйшихъ временъ, находится столько препятствій къ достиженію нравственнаго добра: владычествующія особы привязаны къ краснорѣчію и мужеству, ростовщики къ заботамъ и щетамъ, священные люди къ высокоумію, воюющій солдатъ къ любви отечества, дворяне къ честолюбію; и такъ изчезаетъ склонность къ нравственному добру, вмѣстѣ съ оною и любовь къ оному.*

шности, не имѣя свиты лишнихъ слугъ и развратныхъ людей; а препроводилъ время съ немногими, но достойными друзьями; съ друзьями, посѣщавшими его домъ, отверзстой для сихъ гостей какъ храмъ добродѣтели. Тутъ же участвовали фамилїи, соединенныя благородными намѣренїями, съ его семействомъ, которыя взаимно, препровождая одну часть года у него, а другую съ нимъ вмѣстѣ у себя, наслаждались прїятнѣйшимъ перемѣны удовольствїемъ, которое старости и юности столь же необходимо нужно, сколь и увеселительно.

Безъ зависти и заботы провождали сїи благороднѣйшїе люди свою философскую жизнь подъ тѣнїю деревенскаго спокойствїя, въ безмятежномъ упражненїи въ наукахъ, часто ими повторяемыхъ, но неприкрашенныхъ, увеселенїяхъ почерпаемыхъ изъ природы, съ дѣлами благотворительности, добродѣтели, полезнаго прилѣжанїя, и трудолюбїемъ приносимаго удовольствїя, были притомъ любовники и Философы, друзья и отцы, добродѣтельные и счастливые люди.

XXI.

УДОВОЛЬСТВІЕ.

Когда наслаждался Хризофилъ съ своими счастливыми дѣтьми богатымъ, пріятнымъ, всегда обновляющимся и отверзстымъ пиромъ природы, побужденіемъ къ тысячи новымъ и прекраснымъ перемѣнамъ увеселеній, великолѣпнымъ и трогающимъ явленіемъ возходящаго и заходящаго за безконечное пылающее море солнца, оставляющаго по себѣ въ несравненіи со всею свѣтскою пышностію большую величественность и великолѣпіе: тогда ощущали они въ объятіяхъ любви и дружества столь свѣтскимъ людямъ нечувствительную, столь ясную и видимую стройность нравственнаго добра, которую они почитали за близкое согласіе со всемъ великимъ и хорошимъ. Они зрѣли постепенно приходящую въ совершенство отъ всѣхъ перемѣнъ существъ, и къ главному источнику оныхъ возходящую связь и близкое соединеніе невидимаго съ видимымъ, а видимаго даже съ непостижимымъ Творцомъ міровъ; они слышали славу Его, свидѣтельствуемую всѣми гласами природы, и звучащую на пространномъ Ол-

тарѣ свѣта, на морѣ, на горахъ и утесахъ, въ пещерахъ и долинахъ, въ лѣсахъ и на всѣхъ вершинахъ. Они усматривали ее начертанную на неизмѣримомъ пространствѣ небесной тверди горящими звѣздами, и возвѣщаемую днями и ночами; тогда они чувствовали внутренность своей души исполненною чистѣйшей благодарности къ Природѣ, сообщающей всякой душѣ свои оживляющія силы. Они согрѣты будучи пріятною теплотою небеснаго благоговѣнія, получили здоровье, наслаждались самыми лучшими дарами счастія, свободы и возможности, увеселялись, содѣлывая своимъ благодѣяніемъ другихъ счастіе, и чрезъ то могли они привести свое духовное вещество въ большее совершенство, жить въ памяти другихъ и всю свою жизнь осчастливить. О дни пріятнаго Божественнаго веселія! благополучные люди! естьли бы могли позднѣйшія потомки васъ довольно при возпоминаніи о васъ радоваться и благодарить Бога, что Онъ столько благъ и милосердъ къ человѣческому роду, и что свѣтъ Его благости, которой нѣкогда осіявалъ счастливыхъ праотцевъ, будетъ также освѣщать дорогу къ добродѣтели ихъ счастливѣйшимъ потомкамъ!

XXII.

ВОЗПОМИНАНІЕ ПРОШЕДШИХЪ ДНЕЙ.

При возхожденіи царя прекрасныхъ дней
И небо радости со мною раздѣляло,
Какъ я подъ тѣнью древъ лежалъ въ долинѣ сей;
Блаженъ ты, Хризофилъ! мнѣ сердце тутъ вѣщало:
Пріятность воздуха всѣ чувства услаждала.
Цвѣтущая весна своею красотой
Прошедшу юность мнѣ въ себѣ изображала;
О міръ, ты кажешся мнѣ лѣстною мечтой!
О юность, ты какъ сонъ пріятный изчезаешь,
Оставивъ по себѣ слѣдъ въ памяти моей!
И нынѣ симъ меня лишь только утѣшаешь,
Похитивъ радости мои прошедшихъ дней.
Еще въ душѣ моей я радость ощущаю;
О юность, ты еще мою волнуешь кровь;

Еще я вѣрю, что подъ тѣнью отдыхаю,
Исполненъ разума, въ долинѣ сей богов.
Но нѣтъ! то тщетно все, во мнѣ и кровь хладѣетъ;
Я вяну съ юностью, лишаясь чувствъ и силъ;
Въ семъ состоянїи разсудокъ мой слабѣетъ,
Что прежде въ пользу мной употребляемъ былъ.
Доколѣ жизнь моя съ надеждою продлится,
Потщусь благодарить васъ, щедры небеса!
И духъ усердїемъ мой къ вамъ не премѣнится,
До приближенїя послѣдняго часа!

КОНЕЦЪ ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.



